ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

1173-*е ЗАСЕДАНИЕ*
11 ДЕКАБРЯ 1964 ГОДА

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД

НЬЮ-ЙОРК

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предварительная повестка дня (S/Agenda/1173)	1
Утверждение повестки дня	
Письмо представителей Алжира, Афганистана, Бурунди, Ганы, Гвинеи, Дагомеи, Замбии, Индонезии, Камбоджи, Кении, Конго (Браззавиль), Мавритании, Малави, Мали, Объединенной Арабской Республики, Сомали, Судана, Танзании, Уганды, Центральноафриканской Республики, Эфиопии и Югославии от 1 декабря 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/6076 и Add.1—5)	1
Письмо постоянного представителя Демократической Республики Конго от 9 декабря 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/6096)	1

ПРИМЕЧАНИЕ

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в квартальных дополнениях к *Официальным отчетам.*

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

ТЫСЯЧА СТО СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 11 декабря 1964 года, 10 час. 30 мин. *Нью-Йорк*

Председатель: г-н **Фернандо ОРТИС САНС (Боливия)**

Присутствуют представители следующих стран: Берега Слоновой Кости, Боливии, Бразилии, Китая, Марокко, Норвегии, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции и Чехословакии.

Предварительная повестка дня (S/Agenda/1173)

1. Утверждение повестки дня.
2. Письмо представителей Алжира, Афганистана, Бурунди, Ганы, Гвинеи, Дагомеи, Замбии, Индонезии, Камбоджи, Кении, Конго (Браззавиль), Мавритании, Малави, Мали, Объединенной Арабской Республики, Сомали, Судана, Танзании, Уганды, Центральноафриканской Республики, Эфиопии и Югославии от 1 декабря 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/6076 и Add.1—5).
3. Письмо постоянного представителя Демократической Республики Конго от 9 декабря 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/6096).

Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

Письмо представителей Алжира, Афганистана, Бурунди, Ганы, Гвинеи, Дагомеи, Замбии, Индонезии, Камбоджи, Кении, Конго (Браззавиль), Мавритании, Малави, Мали, Объединенной Арабской Республики, Сомали, Судана, Танзании, Уганды, Центральноафриканской Республики, Эфиопии и Югославии от 1 декабря 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/6076 и Add.1—5)

Письмо постоянного представителя Демократической Республики Конго от 9 декабря 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/6096)

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-испански):* Если нет возражений, то в соответствии с решением, принятым ранее Советом, я приглашаю представителей Судана, Гвинеи, Ганы, Бельгии, Конго (Браззавиль), Алжира, Мали, Демократической Республики Конго, Нигерии, Объединенной Арабской Республики, Бурунди, Кении и Центральноафриканской Республики занять места, подготовленные для них перед столом Совета Безопасности, и принять участие в дискуссии.

По приглашению Председателя г-н О. А. Х. Адиль (Судан), г-н М. Ашкар (Гвинея), г-н К. Ботсио (Гана), г-н П. А. Спаак (Бельгия), г-н К. Д. Ганао (Конго, Браззавиль), г-н М. Язид (Алжир), г-н О. Ба (Мали), г-н М. Т. Идзумбуир (Демократическая Республика Конго), г-н Дж. А. Вачуку (Нигерия), г-н М. Эль-Куни (Объединенная Арабская Республика) и г-н Дж. Мбазумутима (Бурунди) занимают места, подготовленные для них перед столом Совета Безопасности.

2. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-испански):* Продолжаем рассмотрение вопроса. Первым в моем списке ораторов записан министр иностранных дел Бельгии, которому я и предоставляю слово.

3. Г-н СПААК (Бельгия) *(говорит по-французски):* Г-н Председатель, господа, я, как и другие ораторы, благодарю вас за то, что вы предоставили мне сейчас слово, ибо я должен признать, что моему терпению пришел конец. Я пережил два самых неприятных дня в моей жизни, и только благодаря огромной выдержке я смог устоять перед потоком красноречия, который затапливал нас в течение последних 48 часов. Это был поток безграничных оскорблений, яростных нападок и лжи. В нем проявилось также любопытное и унижающее чувство своей неполноценности. В то же время — причем это больше всего беспокоит, угнетает и огорчает меня — в выступлениях предшествовавших ораторов иногда звучали вызов, недоверие и почти ненависть, очень близко напоминающие расизм, который подвергается столь ожесточенным нападкам.

4. Я выслушал семь или восемь обвинений, однако я нахожусь здесь не в качестве обвиняемого,

который должен говорить о смягчающих вину обстоятельствах или просить у суда снисхождения. Я пришел сюда, будучи убежден в своей правоте и с чистой совестью. Я убежден в том, что меня поддерживает огромное большинство населения моей страны. Меня также поддерживает и укрепляет в моем мнении открытое или молчаливое одобрение многих правительств стран мира. Я нахожусь здесь для того, чтобы честно и, я надеюсь, ясно изложить причины, которые заставили правительство Бельгии принять очень и очень серьезное решение. Я могу сказать вам, что мы приняли это решение только после того, как весьма тщательно взвесили все факторы. При этом нам было хорошо известно, когда мы принимали это решение, что мы встретимся с некоторыми трудностями международного характера. Когда мы принимали решение о проведении стэнливильской операции, о которой я расскажу несколько позднее, мы понимали, что это послужит поводом для произнесения речей о колониализме, неоколониализме и империализме, которые нам так часто приходится выслушивать.

5. Я выслушал эти ожидаемые речи и еще раз отметил, что сильные выражения часто указывают на слабость аргументации и что легче найти крепкие слова, чем крепкие аргументы.

6. Я выслушал бы все это с безразличием, вошедшим уже в привычку, если бы помимо этих обвинений я не обнаружил нечто более серьезное. Я понял, что в этих речах проявляется плохо скрытое намерение противопоставить Африку Европе и, возможно, даже противопоставить черную расу белой. В этом, г-н Председатель, таится двойная и очень большая опасность, и именно это является самым серьезным из всего того, что мы выслушали до сих пор.

7. Произнесенные речи были страстными, и я приложу все свои усилия к тому, чтобы не ответить на это тем же. Я постараюсь придерживаться фактов и говорить только о фактах.

8. В своем выступлении я хотел бы рассказать о стэнливильской операции, а также о политике Бельгии в Конго, о проблемах, стоящих перед этой страной, и о трудностях, мешающих решению этих проблем.

9. Что касается Стэнливиля, то я заявляю — и я считаю, что я докажу это тем, кто смотрит на вещи объективно,— что стэнливильская операция не была военной операцией. Речь шла не о помощи конголезской национальной армии. Речь шла не о захвате или удержании какой-то определенной территории. Речь шла о спасении 1500—2000 человек, чья жизнь находилась в опасности. Речь шла о спасении людей, которых мятежные власти считали заложниками, людей, которые находились в заключении, которым угрожали и которых избивали. Мои противники говорят мне, что это ложь, что это не было спасательной операцией, что это была предумышленная военная агрессия. Вы слушали, как это обвинение повторялось несколько раз за последние два дня.

10. Оратор, который выступал передо мной и который дальше других зашел в этих обвинениях, был представителем Конго (Браззавиль). Он не только обвинил Бельгию, а также Соединенные Штаты и Соединенное Королевство в соучастии в совершении преднамеренной агрессии, но, говоря, в частности, о Бельгии, он добавил, что мы изобрели план эвакуации белых, находившихся на оккупированной мятежниками территории, с тем чтобы нам потом было легче орудовать пулеметами в этом районе и убивать черных.

11. Я требую, чтобы представитель Конго (Браззавиль) представил хотя бы малейшее доказательство, хотя бы крупицу доказательства этого бесчестного обвинения. Я считаю, что людям свойственно приписывать другим только те мысли, которые находятся у них самих в голове. Поэтому я оставляю представителя Конго (Браззавиль) наедине с его совестью и его клеветническими и бездоказательными обвинениями.

12. Мы спорим здесь о намерениях, и здесь было высказано много такого, чего никто не пытался доказать. Я стараюсь придерживаться только фактов. Я объясню вам в последовательном порядке, что же в действительности произошло в Стэнливиле.

13. В июле текущего года силы мятежников продвинулись в направлении Стэнливиля, и с этого времени, учитывая события, имевшие место в других районах Конго, мы стали проявлять глубокую озабоченность. Начиная с этого самого момента, в начале августа, когда Стэнливиль еще не был занят войсками мятежников, мы попытались организовать эвакуацию. Бельгийский консул в Стэнливиле послал особый запрос в отношении самолетов, и 150 человек — не только бельгийцев, но также и другое белое население, включая индийцев, пакистанцев и некоторое количество конголезцев, а именно жен и детей офицеров конголезской национальной армии,— погрузились на эти самолеты и покинули город. Но, к сожалению, другие отказались это сделать. С этим положением нам приходилось сталкиваться в течение уже многих лет. Когда предпринимаются попытки урегулировать в Конго какой-либо инцидент, бельгийцы, в частности, хотят остаться в этой стране, так как они любят ее, и многие из них считают ее своей второй родиной. Хотя мы официально уведомили их о том, что обстановка становится опасной в связи с приближением войск мятежников, поведение которых часто невозможно предугадать, огромное большинство белого населения осталось в Стэнливиле и отказалось эвакуироваться.

14. Представитель Алжира нарисовал искаженную картину, пытаясь представить тот факт, что бельгийцы остались в Стэнливиле, как уловку правительства Бельгии, которое специально заставило наших соотечественников остаться там для того, чтобы после этого мы могли бы подготовить спасательную операцию. Я должен признать, что представитель Алжира после того,

как он выдвинул эту теорию, был готов пойти на уступки. Он признал, что его утверждение является, возможно, безосновательным и что у него нет никаких доказательств в этом отношении. Я не могу не воспользоваться этой возможностью, чтобы поблагодарить его за попытку быть объективным.

15. Как я говорил, бельгийцы, другие белые и многие иностранцы остались в Стэнливиле. К августу у нас были все основания для озабоченности, так как мятежные власти в то время публично и официально выдвинули теорию, согласно которой иностранцы, в частности бельгийцы и американцы, рассматривались не только как военнопленные, но и как заложники.

16. Хотя те ораторы, которые выступали до меня, делали вид, что им ничего неизвестно об этом факте, тем не менее именно это явилось причиной для проведения стэнливильской операции. Я хотел бы знать, найдется ли среди стран — членов Организации Объединенных Наций хотя бы одна, которая возьмет на себя ответственность защищать идею, согласно которой любое правительство, законное или мятежное, имеет право захватывать невинных людей, включая женщин и детей, как заложников и использовать их в качестве пешек в своей политической игре. Практика захвата заложников абсолютно несовместима с международным правом, и вряд ли будет преувеличением сказать, что она является грубым нарушением всех прав человека. Какие могут быть оправдания тому, что мирных граждан, включая женщин и детей, возможно, даже выступающих против политики своего правительства, арестовывают и используют в качестве пешек в политической игре? Представитель Алжира утверждал, что на Западе это является обычной практикой, что в начале второй мировой войны бельгийцы арестовывали бельгийцев и даже немцев и что бельгийское правительство высылало их на юг Франции. Это верно: в начале 1940 года мы арестовывали бельгийцев и немцев, которые считались агентами «пятой колонны». Однако разве правительство Бельгии считало когда-нибудь заложниками этих людей, которые, по нашему мнению, представляли угрозу государственной безопасности? Я могу сказать представителю Алжира, что его утверждения неправильны. Факт заключается в том, что положение в Стэнливиле постепенно ухудшалось и становилось все более и более серьезным. Бельгийцев и американцев подвергли арестам. Их преследовали и унижали, им угрожали и в конце концов заключали в тюрьму.

17. Представитель Ганы с этого самого места осмелился задать следующий вопрос: кто подвергался угрозам в Стэнливиле и кто кому там угрожал? Поистине странно, что человек, принимающий участие в данной дискуссии, мог задать такой вопрос. Кто подвергался угрозам в Стэнливиле? 1500 иностранцев. Кто им угрожал? Мятежные власти. Вот вам ясный ответ на этот странный вопрос.

18. А теперь я хотел бы рассказать вам о том, как росла наша тревога. В моем досье имеются сообщения, полученные из Стэнливиля, то есть от мятежных властей, и относящиеся к периоду с 28 октября по 23 ноября — последняя дата явилась кануном высадки десанта бельгийских парашютистов.

19. 29 октября в ответ на письмо президента Чомбе в адрес Международного Красного Креста эта организация заявила, что, несмотря на предпринимаемые ею в течение нескольких недель усилия, она не получила разрешения от мятежного правительства на посылку наблюдателя в Стэнливиль. За этой акцией мятежные власти еще больше ожесточились против иностранцев. Радиослужба конголезского правительства перехватила переданное по радио распоряжение генерала Оленга, согласно которому командующие районами должны были заключить всех иностранцев в соответствующих зонах под домашний арест. Такая же мера была принята и в Стэнливиле. 30 октября было сделано следующее заявление: «Мы не можем больше гарантировать безопасность бельгийских и американских граждан».

20. 2 ноября в своем послании по радио, адресованном г-дам Нкруме, Бен Белле, Насеру и Секу Туре, Гбение угрожал перейти к политике «выжженной земли»:

> «Народная освободительная армия,— сказал он,— всегда защищала иностранцев, но она не будет больше делать этого в отношении граждан некоторых стран, правительства которых помогают империалисту Моизу Чомбе».

21. 5 ноября «президент» Гбение заявил: «Вследствие воздушных налетов...»— господа, я вас положительно заверяю, что до 24 ноября не было ни одного воздушного налета на Стэнливиль,— «вследствие воздушных налетов все американцы и бельгийцы, находящиеся в настоящее время в освобожденных районах, считаются военнопленными».

22. 18 ноября Гбение заявил:

> «Переговоры относительно военнопленных должны быть проведены в течение ближайших дней, а не недель, так как нужно уважать волю народа, требующего казни майора Карлсона».

23. 20 ноября Гбение заявил по радио: «При первом же нападении на Стэнливиль майор Карлсон будет казнен».

24. И, наконец, 21 ноября он заявил: «Американские и бельгийские войска напали на нас. Терпение народа имеет предел. Народное правительство вывезло бельгийских и американских граждан из Стэнливиля».

25. И, наконец, 23 ноября было получено послание, о котором мне сообщили 22 ноября, послание, которое мне было бы стыдно процитировать

дословно и в котором человек, который называет себя «президентом» Гбение, угрожает «съесть» иностранных пленных или поставить бочки с бензином перед их дверьми и сжечь их живьем.

26. Следовательно, были или нет у нас причины для озабоченности? Были или нет у нас причины для беспокойства о судьбе наших соотечественников?

27. Мне говорят, и этот довод имеет некоторый смысл, что «в Стэнливиле не был убит ни один человек до 24 ноября»; и это действительно так, вернее, был убит только один человек, а в это суровое время смерть одного человека, к сожалению, столь несущественна, что о ней уже почти не говорят. Но верно также и то, что до 24 ноября на занятой мятежниками территории было убито много людей и при этом зачастую самым зверским образом. Я не могу назвать точного количества, но, возможно, было убито несколько десятков человек.

28. У меня есть досье, в котором содержится перечень тех ужасов, которые имели место. Я не собираюсь использовать это досье или даже открывать его при том, конечно, условии, что все происшедшее не будет подвергнуто общему сомнению. Почему я не хочу открывать мое досье ужасов? Потому что, даже защищая правое и справедливое дело, я не хочу создавать еще более широкую пропасть между белыми и черными, которая, возможно, уже существует в настоящее время. Я не делаю этого потому, что даже, имея возможность использовать сенсационный аргумент, я не хочу рисковать, становясь на путь разжигания чувства расового антагонизма, которое, к нашему сожалению, мы уже начали замечать. Я не хочу этого делать потому, что у меня есть африканские друзья, которых я уважаю, а также потому, что я хочу до самого последнего момента, пока не будет предпринято самое последнее усилие, избежать разрыва с ними, который может произойти, если я начну говорить об этих ужасных вещах.

29. Кроме того, я не поступлю так потому, что я хотел бы сделать одно довольно мучительное признание. После второй мировой войны белые люди, к сожалению, не имеют более права выступать с нравоучениями, касающимися человеческих ужасов. После Бухенвальда и Аушвитца на это не имеет права ни один человек, принадлежащий к белой расе. Я искренне верю в то, что не существует преступных рас. Я искренне верю в то, что не существует даже преступных людей. Я лично верю в то, что существуют только заблуждающиеся люди и презренные люди. Гитлер был презренным человеком. Гбение, к сожалению, презренный человек.

30. Человек, пославший телеграмму, о которой я только что говорил, это тот самый человек, который 14 ноября с. г.— за 10 дней до высадки парашютного десанта в Стэнливиле — осмелился написать в своей газете «Мартир»:

«В наших руках находится более 300 американцев и более 800 бельгийцев, которые содержатся под домашним арестом в безопасных местах. В случае малейшей бомбардировки нашего района или нашей революционной столицы вопрос будет решен, то есть все они будут уничтожены».

И в той же статье — здесь я должен извиниться перед моими африканскими друзьями, которых я уважаю,— тот же самый человек писал следующее: «Мы сделаем амулеты из сердец американцев и бельгийцев и наденем на себя шкуры бельгийцев и американцев».

31. Неужели вы считаете, что у нас не было причин для озабоченности? Я спрашиваю вас, кто из собравшихся здесь осмелится взять на себя ответственность защищать человека, который писал или говорил такие слова? Стать на его защиту — значит также принять на себя ответственность за последствия его ужасных и чудовищных провокаций. Действительно, к каким последствиям, как не к трагедии, могут привести эти слова, если их прочтут несчастные фанатики?

32. Хотя я и не хочу вмешиваться во внутренние дела Африки, тем не менее разрешите мне спросить, разве тот факт, что такой человек стал символом африканского национализма, не является каким-то странным отклонением от нормы. Я думаю, что этот вопрос необходимо задать и что над ним следует поразмыслить.

33. Жизнь иностранцев действительно находилась в опасности. Все то, что мы впоследствии обнаружили в Стэнливиле и Полисе, подтвердило наши самые страшные опасения. Что было делать? «Ничего,— говорили некоторые,— рискните, пусть их убьют». Может быть, все же стоило рискнуть — я знал, что это будет риск, и сегодня я знаю это еще лучше — да, рискнуть для того, чтобы попытаться спасти их.

34. Это было риском, так как операция по высадке парашютного десанта была сложным делом и так как — поверьте мне, когда я говорю о нашем отношении к ней — мы столкнулись с альтернативой, таящей в себе опасность, которую мы могли предвидеть. Либо, если бы мы решили провести эту операцию, мы могли бы прибыть на место слишком поздно, и в этом случае наши усилия были бы напрасными, либо — и это правда, о чем кто-то уже сказал,— мы могли своей операцией по высадке парашютного десанта дать сигнал для начала той трагедии, которой мы боялись. Поверьте мне, мы думали обо всем этом и тщательно взвесили все возможности. Перед тем как принять решение о проведении парашютной операции, мы использовали все доступные средства, пытаясь спасти иностранцев, находящихся в руках мятежников. Мы обращались ко всем международным организациям, которые могли помочь нам,— к Организации Объединенных Наций, к Организации африканского единства (ОАЕ) и к Международному Красному Кресту. Мы связались со всеми главами африканских го-

сударств и во многих случаях встретили понимание наших проблем и наших опасений. Мы обратились к стэнливильским властям, и, как это я объясню позднее, у меня были некоторые основания ожидать проявления хотя бы минимума благоразумия и человечности со стороны г-на Гбение. Однако все это оказалось напрасным.

35. Нам говорят: вы действовали слишком поспешно. Специальная комиссия Организации африканского единства, заседавшая в Найроби, была близка к успеху. У меня нет намерения спорить с членами Комиссии ОАЕ. Я выскажусь по этому поводу позднее. Однако на основании того, что мне известно, я не думаю, что переговоры, начавшиеся 22 ноября в Найроби, могли бы привести к каким-либо результатам, поскольку то, что можно было предвидеть, действительно произошло: мятежные власти в Стэнливиле действительно хотели использовать заложников для того, чтобы выторговать уступки. Когда посол Соединенных Штатов попытался убедить г-на Канзу согласиться на освобождение этих невинных людей, что было целью его миссии, г-н Канза в ответ выдвинул политические условия: прежде всего необходимо добиться прекращения огня. Ни правительство Соединенных Штатов — я уверен, что оно разрешит мне сказать это,— ни бельгийское правительство не имели возможности добиться прекращения огня 22 ноября. Вопрос о прекращении огня мог быть решен только леопольдвильским правительством. И я не думаю, что я выдам какой-то секрет, если скажу, что оно не было согласно на это. Его армия была у ворот Стэнливиля, продвинувшись практически без всяких затруднений из Кинду до Стэнливиля. В тот день не было никаких возможностей заставить г-на Чомбе остановить продвижение своей армии и согласиться на политические уступки в обмен на жизнь белых или иностранцев в Стэнливиле.

36. Мы ждали до самого последнего момента, прежде чем приняли это окончательное решение. Действительно, мы перебросили свои войска из Бельгии на остров Вознесения, где английские власти оказали нам гостеприимство. Мы не хотели перебрасывать свои войска непосредственно в Конго, так как — вы можете поверить этому или нет, но я уверен, что большинство людей поверит,— мы надеялись до последнего момента, что нам не придется предпринять такие действия. Мы задержали бельгийских парашютистов на острове Вознесения, а затем, видя, что обстановка становится все более и более серьезной, и испытывая растущее беспокойство в связи с теми известиями, которые доходили до нас из района, занятого мятежниками, мы действительно решили сделать дальнейший шаг и перебросили бельгийские войска на самолетах в Камину.

37. Я должен признаться что, когда вечером 22 ноября мне показали телеграмму г-на Гбение, о которой я упоминал ранее, я более часа размышлял над тем, могу ли я продолжать медлить. Несмотря ни на что мы еще надеялись, что в последний момент произойдет чудо, и мы ждали еще 24 часа. И только поздно вечером 23 ноября мы, американцы и бельгийцы, решили, что парашютный десант в Стэнливиле должен быть высажен на рассвете 24 ноября. Почему на рассвете 24 ноября? Это единственный пункт, в отношении которого мои противники могут выдвинуть какие-либо возражения. Но мои разъяснения легко опровергнут все эти возражения. Утро 24 ноября было выбрано потому, что уже с тех пор, как нам пришлось столкнуться с этой ситуацией, мы думали над тем, какой момент будет критическим для иностранцев в Стэнливиле и в какой момент г-н Гбение и его сообщники осуществят свои угрозы. К сожалению, на основании некоторого опыта, например в Кинду, мы знали, что могло произойти. В Кинду не высаживался парашютный десант. Находившиеся там иностранцы, и в частности бельгийцы, ибо именно они составляли большинство иностранцев в Кинду, все же были спасены, но только в самый последний момент. Все они находились в заключении, и их жизнь подвергалась самой прямой опасности. Только своевременное прибытие войск конголезской национальной армии позволило спасти их. Единственное, о чем мы думали и чего опасались, это то, что конголезская национальная армия начнет бои, как только она подойдет к окраинам Стэнливиля. Мы не знали, выиграет ли она это сражение. Мы не знали, сколько часов или даже дней может продолжаться это сражение. Мы думали, что в течение этого времени жизнь иностранцев будет находиться в наибольшей опасности. Вот почему мы выбрали именно этот момент для высадки парашютного десанта в городе и взяли на себя весь связанный с этим риск.

38. Некоторые ораторы говорили, что именно мы несем ответственность за резню, которая произошла в Стэнливиле. Я хотел бы сказать следующее моим уважаемым противникам: мы принимаем на себя эту ответственность, и мы будем отчитываться только перед нашими соотечественниками. Наша совесть чиста, так как все или почти все иностранцы, освобожденные в Стэнливиле, говорили нам, что, по их убеждению, если бы эта операция не была проведена, они были бы убиты. Конечно, я сожалею — я глубоко сожалею — о судьбе стэнливильских жертв, но скажите мне, в каком положении оказались бы американские и бельгийские власти, если бы мы не предприняли этой операции и если бы в Стэнливиле были убиты десятки иностранцев? В этом случае нас мучали бы угрызения совести, так как нам пришлось бы жить с сознанием того, что мы могли бы спасти их и что мы позволили убить их только потому, что мы не осмелились принять на себя политическую ответственность.

39. Мы провели вторую операцию в Полисе, причем также после больших колебаний, поскольку эта операция была более трудной с военной точки зрения, чем операция в Стэнливиле. Тем не менее мы решили провести ее, так как сообщения, поступавшие из Полиса, носили действитель-

но угрожающий характер, и я могу доказать вам, если вы хотите, чтобы я рассказал вам о тех ужасах, которые имели место, что у нас были причины для тревоги. Мы послали часть парашютистов в Полис — примерно половину всей группы. Они приземлились на аэродроме и выполнили свою задачу. Они освободили и спасли несколько сот иностранцев, и все иностранцы в Полисе выразили нам свою благодарность за тот дополнительный риск, которому мы себя подвергли.

40. Мы высадили парашютистов в Стэнливиле 24 ноября. К 27 ноября все войска вернулись в Камину, а к 29 ноября на территории Конго не осталось ни одного бельгийского парашютиста из числа тех, кто был направлен в Стэнливиль или в Полис. Спасательная операция была закончена.

41. Таковы факты. Вот что произошло и вот как развивалась вся эта операция как с психологической, так и с материальной точек зрения. Я могу заверить вас, что для нас, знающих все факты и переживших все эти события, крайне тяжело и больно выслушивать, как нас обвиняют в намерениях и идеях, которых мы никогда не осуществляли.

42. Наши противники говорят, что это была предумышленная агрессия. Если это предумышленная агрессия, то для какой цели?

43. Мы оставили Полис, который мы заняли, когда там не было ни одного солдата конголезской армии в пределах радиуса более 300 километров и когда мы могли, если бы мы пожелали оказать какую-либо помощь конголезской национальной армии, окопаться на аэродроме и ожидать подхода этой армии. У нас не возникало никакого вопроса о посылке хотя бы одного солдата конголезской национальной армии в Полис для того, чтобы воспользоваться преимуществом, которое давала высадка бельгийского парашютного десанта. Как только 300—400 иностранцев в Полисе были освобождены и эвакуированы, мы, не медля ни минуты, оставили Полис. Можно ли назвать это действиями правительства, осуществляющего военную операцию?

44. Мы оставили Стэнливиль в то время, когда все еще продолжались бои, и тот факт, что мы быстро оставили аэродром, который занимали парашютисты, возможно, создал дополнительные трудности для конголезской национальной армии. Мы ни одной минуты не думали, что мы можем остаться там для того, чтобы позволить этой армии окончательно занять город и закрепить свою победу. Мы ушли, оставив аэродром. Бои продолжались еще несколько дней, и, насколько мне известно, они все еще не закончились. Мы вывели из Конго все парашютные войска в тот момент, когда, к сожалению,— мне придется еще сказать об этом позднее — гражданская война в Конго еще далеко не закончилась.

45. Разве может в этом случае честный и благоразумный человек утверждать, что это была военная операция?

46. Мы прибегли к выражению «гуманная операция», и наши противники высмеяли эти слова.

47. Я должен признать, что они нашли довольно неожиданный для меня аргумент. Они говорят, что это не было гуманной операцией, приводя в качестве доказательств тот факт, что в северо-восточной части Конго все еще находятся иностранцы, в частности бельгийцы, и что мы оставили их на произвол судьбы. Поэтому, говорят они, ясно, что это не было гуманной операцией.

48. Интересно, что бы сказали мои противники, если бы мы остались в Конго еще в течение нескольких дней или даже недель для того, чтобы спасти всех иностранцев, до самого последнего человека.

49. Многие правительства, которым мы разъяснили обстановку в день высадки десанта в Стэнливиле, говорили нам, что они понимают наши действия, но настоятельно просят нас не оставаться там и вывести войска как только иностранцы будут освобождены.

50. Поскольку это полностью соответствовало нашим намерениям, нам было нетрудно выполнить их пожелания. Однако верно и то, что северо-восточная часть Конго не была — как быстро, не могу сказать — полностью покинута бельгийцами и другими белыми, которые там находились. Задумайтесь, пожалуйста, на минуту о том, в каком положении я сейчас оказался, если бы в Конго все еще находились бельгийские парашютисты. Это верно, что мы вывели свои войска из Конго, и причина этого в том, что у нас не было возможности спасти посредством дальнейших парашютных операций бельгийцев и других иностранцев, остававшихся в северо-восточной части страны. Мы не могли этого сделать с помощью 400 человек, которых мы послали в Конго. Для этого потребовалось бы несколько тысяч человек. Мы могли провести операции в Стэнливиле и Полисе, потому что там были сосредоточены иностранцы, потому что в одном Стэнливиле их было более 1500 человек, потому что в Полисе их было почти 400 человек и потому что у нас была возможность завершить операцию в течение нескольких часов, высадив войска на аэродромах, которые были пригодны для использования.

51. С другой стороны, в северо-восточной части страны бельгийцы и другие иностранцы были разбросаны на расстояния в несколько сот километров. Нам пришлось бы высаживать войска с полным снаряжением, причем им пришлось бы продвигаться по зарослям на расстоянии от 200 до 300 километров. Это было невозможно сделать при наличии 400 человек. Нам пришлось бы высадить тысячи солдат и проводить операцию, которая все еще продолжалась бы и сегодня и которая по своему характеру абсолютно не соответствовала бы нашим намерениям.

52. И, наконец, утверждать, что это была предумышленная агрессия, поистине значит выступать против фактов. Агрессоры обычно не объявляют заранее о своих планах. Стоит только прочитать письмо, направленное постоянным представителем Бельгии г-ном Лориданом Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций 21 ноября (S/6055) [1], чтобы понять, что этой операции можно было ожидать. Интересно спросить тех, кто читал это письмо, как они поняли его и, в частности, как они поняли следующий его пункт:

«В консультации с конголезским правительством и по его просьбе были приняты подготовительные меры на случай, если окажется необходимым прибегнуть к эвакуации заложников».

53. О чем могли думать те, кто прочел это письмо, когда было уже известно, что бельгийские парашютисты находятся на острове Вознесения, когда в мировой печати появились сообщения об этом факте и когда наш постоянный представитель в Нью-Йорке дал понять, что если ситуация ухудшится, то нам придется принять крайние меры? Неужели те государства-члены, которые выступают сегодня с протестами и обвиняют нас в предумышленной агрессии, не поняли того, что мы косвенно, но совершенно ясно объявили о том, что мы собираемся действовать? Если бы мы замышляли агрессию в военных целях, то разве можно допустить, что мы действовали бы таким образом?

54. Выдвигается еще один аргумент, который причиняет мне боль и который повторяется здесь весь день в течение всей дискуссии, причем в таких выражениях, которые становятся все более грубыми и оскорбительными. Я имею в виду утверждение о том, что вся операция в Полисе была расистской по своему характеру и что бельгийцы, а может быть, и американцы не понимают великого движения, развивающегося в мире, что мы проводим различие, которое, если бы мы это сделали, представило бы собой отвратительную дискриминацию, когда жизнь одних людей ценится выше жизни других. Мы слышали такие затасканные фразы, как «один белый стоит двух черных» и «кровь черного такая же красная, как и кровь белого».

55. Конечно, мы знаем это, но что вы хотите от нас? Может быть вы хотите, чтобы мы провели операцию — военную операцию — для восстановления порядка в Стэнливиле в соответствии с нашими политическими идеями, причем провели ее самым решительным образом? Я хотел бы знать, что бы вы сказали, если бы мы сделали это.

56. Нет, мы не считаем, что один белый стоит двух черных или что кровь белого человека ценнее, чем кровь черного человека. Факт заключается в том, что бельгийское правительство несет особую ответственность за мужчин, женщин и детей, которых оно послало в Конго. Кто же были те бельгийцы, которых мы спасли? Это были наши специалисты по технической помощи, наши учителя, наши ветеринары, наши врачи — все те, кто помогал конголезскому правительству преодолевать трудности, стоявшие перед ним. Они отправились туда по нашей просьбе, и именно потому, что мы несем особую ответственность за судьбу этих людей, мы и предприняли особые шаги для их спасения.

57. Разве это правда, что в ходе спасательной операции, мы проводили различие между белыми и цветными? Это абсолютно неверно. Среди людей, эвакуированных из Стэнливиля, было по меньшей мере 400 индийцев и пакистанцев и более 200 конголезцев, и я должен сказать, что мы были вынуждены прекратить эвакуацию самих конголезцев только в результате вмешательства леопольдвильского правительства, запретившего дальнейшую эвакуацию конголезцев по причинам, которые это правительство разъяснит.

58. Такова правда о так называемой «расистской» операции.

59. И последнее. Хотя это и не было ясно высказано, в туманных и двусмысленных выражениях бельгийские войска обвиняются в том, что они устроили резню. Те, кто выдвигает это обвинение — я вынужден сказать об этом,— сознательно искажают факты. Они смешивают действия конголезской национальной армии и, возможно, наемников с действиями бельгийских войск, которые были высажены в Стэнливиле. Я знаю, что мои слова не произведут на вас большого впечатления, но я должен сказать, что в тот день, когда было принято решение, я встретился с офицером, который должен был руководить операцией, и я серьезно предупредил его в следующих словах: «Я прошу вас применять оружие только в случае необходимости, например в целях освобождения лиц, находящихся в опасности, или в целях законной самообороны».

60. На основании всех полученных мною сообщений я могу заявить, что число мятежников, убитых бельгийскими войсками, является — я не скажу незначительным, ибо я не осмеливаюсь употребить это слово, потому что я знаю, как это жестоко и отвратительно говорить о смерти хотя бы одного человека, как о чем-то «незначительном»,— очень небольшим, и когда говорят о резне, которая все еще происходит в данный момент в Конго, то эта резня является результатом ужасной междоусобной войны между конголезцами. Это — ужасная война со стороны мятежников, и иногда, я должен признать это, она ужасна также в смысле репрессий, направленных против мятежников, и я убежден, что задача заключается в том, чтобы попытаться прекратить ее.

61. Я хотел бы также сказать раз и навсегда, что проблема наемников должна решаться с леопольдвильским правительством. Эту проблему

---

[1] *Официальные отчеты Совета Безопасности, девятнадцатый год, Дополнение за октябрь, ноябрь и декабрь 1964 года.*

должны обсудить между собой Организация африканского единства и г-н Чомбе. Бельгийское правительство не несет ответственности за вербовку наемников. Мы предприняли все возможное для того, чтобы помешать бельгийцам вербоваться в качестве наемников в конголезскую национальную армию. Мы отдаем себе отчет в тех опасностях, которые таит в себе эта проблема. Но мы также должны признать, что очень трудно принимать какие-либо меры против наемников, так как они прибывают в Конго самыми различными, зачастую окольными, путями.

62. Это все, что я хотел сказать о стэнливильской операции. Лично я знаю о том, что произошло, и знаю это лучше, гораздо лучше, чем любой из ораторов, выступавших передо мной. Я знаю, при каких исключительно трудных и мучительных обстоятельствах нам приходилось принимать наши решения. 24 ноября, когда я объявил о начале операции, я заявил бельгийскому парламенту, что ответственность, которую я принял на себя, является, несомненно, одной из самых огромных, и возможно самой огромной, из всех, которые мне когда-либо приходилось принимать в течение всей моей политической жизни. Я все еще придерживаюсь этой точки зрения и этого убеждения. В тот момент, когда я еще не знал, чем кончится эта операция, но когда я уже знал о той резне, которая произошла в это утро в Стэнливиле, я сказал, что я не знаю, каким будет окончательный приговор по поводу моих действий, но что у меня — и я повторяю это здесь, перед этим международным форумом, я должен сказать вам это,— чистая совесть и что я уверен в том, что, принимая на себя эту ответственность, я исполняю свой долг.

63. А сейчас я хотел бы рассмотреть этот инцидент в Стэнливиле в свете бельгийской политики в Конго и показать вам, что идея агрессии противоречит всему тому, что я намеревался и что я попытался сделать.

64. Однако я должен прежде ответить на заявление, сделанное здесь представителем Ганы, который, говоря о моей стране, упомянул о столетии жестокостей, совершенных против конголезцев. Мне неизвестно, знаком ли представитель Ганы с историей Конго. По моему убеждению, любой период в истории имеет свои светлые и темные пятна. Я никогда не стал бы утверждать, что история колониализма в 18-м или 19-м столетии, и даже в 20-м столетии, содержит только страницы славы. Я вполне отдаю себе отчет в том, что этот период подходит к концу, и, я могу добавить, к счастливому концу. Но я действительно знаю вещи, которые заставляют меня верить в то, что представитель Ганы преувеличивает, а именно то, что огромное большинство конголезцев, которых я знаю — а я теперь знаю многих из них — всегда ясно выражали свое намерение и свое желание поддерживать и впредь хорошие отношения с бельгийцами. Если бы действительно было возможно кратко охарактеризовать колониальную историю Бельгии словами «столетие жестокостей», то я не думаю, что это чувство дружбы могло бы сохраниться, несмотря на все те события, которые имели место.

65. Я посетил Леопольдвиль в начале этого года и был весьма тронут оказанным мне приемом. Я гулял по городу, я говорил со многими людьми, меня принимали бургомистры Леопольдвиля в различных его пригородах, и все они без исключения говорили мне, что они очень рады моему визиту — первому визиту бельгийского министра в Конго после событий 1960 года,— что они очень надеются на то, что мой визит явится началом новой эры. Они заверяли меня, иногда в чересчур преувеличенных выражениях, что Конго не сможет существовать без помощи и дружбы бельгийцев. Я был глубоко тронут и вернулся в Бельгию, полный решимости предпринять новые усилия для того, чтобы помочь Конго преодолеть трудности.

66. Я встречался с г-ном Адулой, я встречался с г-ном Чомбе, и мне приходилось иметь дело с г-ном Гбение. Я встречался со многими другими конголезскими политическими деятелями. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из них говорил обратное. Одним из этих людей, и возможно самым пылким, был г-н Гбение, который, когда я встретил его в Брюсселе в августе этого года и когда мы обсуждали вопрос о том, что необходимо сделать в Конго — я вынужден думать сейчас, что он был, возможно, не вполне искренен,— сказав мне — даю вам честное слово, что это правда,— среди прочего следующее: «в Конго необходимо сделать очень простую вещь. Бельгийская администрация, как это было до 1960 года, должна быть восстановлена, конечно, в условиях независимого Конго». Это было больше того, о чем я просил, и было поистине больше того, что я был в состоянии сделать.

67. Так или иначе, прежде чем вынести исторический приговор, который носит такой страстный и, позвольте мне сказать, такой оскорбительный характер, тем, кто это делает и кому не только предоставлена честь, но и возложена ответственность выступать перед таким собранием и таким судом, подобно нашему, следует по крайней мере немного взвешивать свои слова и обращаться к Совету Безопасности в выражениях, отличных от тех, которые эти люди употребляют на политических собраниях в своей собственной стране.

68. Все, что я пытался сделать в Конго, это оказать конголезскому правительству помощь, помимо прочего, в том, чтобы прекратить отделение Катанги, предоставить правительству Конго техническую помощь и, после больших колебаний, военную техническую помощь. Когда начались беспорядки, когда разросся мятеж, я постоянно заявлял, что необходимо найти политическое решение и что вопрос о мятеже в Конго не может быть решен военным путем. Я сделал это, когда премьер-министром был г-н Адула. Я делал это, когда премьер-министром был г-н Чомбе. И, наконец, я добивался того, чтобы внешняя политика Бельгии в Конго была одобрена африканцами,

в надежде на то, что благодаря хорошим отношениям с Организацией африканского единства мои действия будут поняты в Африке.

69. Все это полностью противоречит идее военной агрессии. А теперь, если вы позволите мне, я кратко вновь изложу некоторые из этих пунктов.

70. Я хотел оказать помощь леопольдвильскому правительству. Я обращаю ваше внимание на то, что я решительно осуждаю отделение Катанги. Я хочу напомнить вам о тех трудностях, дискуссиях, волнениях и спорах, которые я в течение долгих месяцев вел с г-ном Чомбе, а также о предпринятых мною усилиях, обо всех моих усилиях, направленных на то, чтобы поддержать план [2], который был разработан Генеральным Секретарем Организации Объединенных Наций У Таном. Я вправе сказать, что если в конечном итоге отделение Катанги было ликвидировано на более или менее приемлемых условиях, то это частично и моя заслуга.

71. Я ничего не буду говорить о технической помощи, которую Бельгия предоставила Конго, но я хотел бы остановиться коротко на военной технической помощи, так как, по моему мнению, в связи с этим возникают три вопроса: во-первых, то, что называют бельгийским вмешательством во внутренние дела Конго; во-вторых, к сожалению, я должен сказать об этом, определенная ответственность, лежащая на самих африканских странах; и, наконец, ограниченный характер этой помощи.

72. Я считаю, что пора покончить с двусмысленностью, и простите меня за эти слова, с лицемерием. Я хотел бы раз и навсегда получить ясное представление о том, что означает принцип невмешательства во внутренние дела страны. Поскольку я не хочу вдаваться в полемику, я не буду приводить примеры, которые, на мой взгляд, нуждаются в разъяснениях. Я просто скажу о том, что я сам понимаю под невмешательством.

73. Никакого вмешательства во внутренние дела страны нет, когда законное правительство этой страны получает помощь, о которой оно просит. Вмешательство во внутренние дела страны имеет место тогда, когда помощь оказывается мятежу или революции против законного правительства. Если кто-либо хочет предложить нам другое объяснение или дать другое определение невмешательства, то пусть он сделает это, так как я считаю, что интересы здоровой Организации Объединенных Наций требуют того, чтобы мы раз и навсегда разобрались в том, что понимается под невмешательством.

74. Кроме того, правительство Адулы признавалось всеми, и меня до сих пор несколько озадачивает тот факт, что даже те страны, которые сейчас отзываются наиболее дурно о г-не Чомбе, тем не менее признают его. Насколько мне известно, делегации, которые выступали здесь одна за другой, имеют нормальные дипломатические отношения с правительством Чомбе. Как указал представитель Берега Слоновой Кости (1170-е заседание), конголезское правительство г-на Касавубу и г-на Чомбе является законным правительством, и оно представлено в Организации Объединенных Наций и в Организации африканского единства. Чего же вы в таком случае ожидаете от такого правительства, как правительство Бельгии? Не должно ли оно, например, заявить: «Мы предоставляем техническую помощь и даже военную помощь правительству Адулы. Происходит смена правительства. К власти приходит другой политический деятель. Очень хорошо. Мы прекращаем техническую помощь, так как нам не нравится это правительство, так как у нас есть человек в Конго, который является нашим человеком — X или У, — и если наш человек не находится у власти, если к власти приходит V или W, то мы должны прекратить оказание помощи, которая предоставлялась X или У?

75. Не является ли это вмешательством во внутренние дела страны? Правительство, подобное правительству Бельгии, может предоставлять техническую помощь только тогда, когда не будет и речи о каком-либо вмешательстве во внутренние дела, и не обращая внимания на то, кто является премьер-министром и кто входит в состав правительства. Как я уже сказал, я хотел бы, чтобы это было всем абсолютно ясно.

76. Я говорю, что в вопросе о военной помощи, хотя мне неприятно об этом говорить, некоторая доля ответственности лежит на африканцах. В декабре 1962 года г-н Адула обратился к Организации Объединенных Наций с заявлением, которое известно всем. Он сказал: «Моя армия плохо организована. Настанет день, когда Организация Объединенных Наций уйдет из Конго. Мне нужна хорошо организованная армия, и я хотел бы организовать ее под руководством Организации Объединенных Наций». Это была хорошая идея. Конечно, я тоже осмелился дать такой совет г-ну Адуле. Почему же не была проведена эта реорганизация конголезской армии, которая являлась жизненно важной необходимостью и вопрос о которой нужно было срочно решать? Ответ известен всем, потому что ряд африканских стран возражал против этого, причем известно также, что особо резко возражали против просьбы премьер-министра Конго Объединенная Арабская Республика, Гана, Мали, Гвинея — те самые страны, которые сейчас наиболее горячо выступают в Совете Безопасности по вопросу о положении в Конго. Если бы в 1962 году, вместо того чтобы отклонить просьбу г-на Адулы, вы помогли ему, руководствуясь духом африканского братства, о котором вы так часто говорите и который вы должны были проявить именно в тот день, то многие заботы и многие печальные события никогда не произошли бы.

[2] *Официальные отчеты Совета Безопасности, семнадцатый год, Дополнение за октябрь, ноябрь и декабрь 1962 года*, документ S/5053/Add.13.

77. Именно из-за возражений этих стран Генеральному Секретарю пришлось сказать г-ну Адуле, что он не может дать Конго разрешения и обеспечить помощь со стороны Организации Объединенных Наций в его усилиях, направленных на военную реорганизацию. Таким образом, г-на Адулу вновь толкнули на путь двусторонних соглашений. Он обратился к Бельгии, и Бельгия ответила на обращение Конго.

78. 27 мая 1963 года я был принят У Таном и рассказал ему о том довольно затруднительном положении, в котором я оказался; я ему сказал: «Сейчас май 1963 года. Войска Организации Объединенных Наций будут выведены из Конго 30 июня. Правительство г-на Адулы находится в затруднительном положении. Как, по Вашему мнению, не могу ли я предпринять что-либо, и не думаете ли Вы, что, если я сделаю это, не будут ли мои действия противоречить законам Организации Объединенных Наций?». Мне кажется, я могу сказать, что если я и не встретил прямого одобрения, то по крайней мере не было высказано в принципе никаких возражений. Во всяком случае, я действовал публично, и ни одна страна, являющаяся членом Организации Объединенных Наций, абсолютно ни одна страна, не может сказать, что она была захвачена врасплох и ничего не знала о мерах, которые бельгийцы собирались принять.

79. Эта мера была ограниченной. Почему же мне не разрешается оказать помощь ограниченного характера, о которой просят и которую получает большинство африканских стран после достижения ими независимости? Кроме того, заключались соглашения и оказывалась помощь со стороны французских и английских войск тем африканским странам, которые просили об этом. Почему же только Конго должно являться исключением из этого правила?

80. Естественно, я хотел ограничить эту помощь. Мы сказали г-ну Адуле: «Конечно, для нас это будет трудно, но мы готовы попытаться укрепить административную структуру конголезской армии. Мы готовы попытаться решить для вас проблемы материально-технического обеспечения. Мы готовы помочь вам создать центры подготовки».

81. Правда, позднее, когда положение стало более серьезным, г-н Адула обратился к нам с еще одной просьбой, которую мы тщательно обдумали, прежде чем ответить на нее согласием. Он попросил нас предоставить в его распоряжение некоторое количество летчиков. Мы ответили г-ну Адуле следующее: «Мы понимаем, что Вам необходимо иметь возможность быстро перебрасывать войска из одного района в другой, так как в Вашей армии очень мало надежных подразделений. Мы готовы оказать Вам помощь в переброске войск, однако ни один из бельгийцев не будет участвовать в операциях, связанных с бомбардировкой или штурмовыми действиями авиации». Я могу вполне определенно сказать — и никто не может меня опровергнуть,— что с этого времени ни один из бельгийских летчиков не принимал участия в операциях, связанных с бомбардировкой или штурмовыми действиями авиации в Конго. Таковы были рамки, которые ограничивали нашу военную техническую помощь.

82. Но и это еще не все: нашу военную техническую помощь необходимо рассматривать с политической точки зрения. Обстановка в Конго стала особенно тяжелой, когда вспыхнул мятеж.

83. Я считаю необходимым в данный момент разъяснить одно недоразумение или, точнее, поистине чудовищную историческую ошибку. Эту ошибку допускают те, кто делает вид — я не нахожу другого слова,— что они верят в то, что теперешний мятеж в Конго являлся мятежом против г-на Чомбе и его правительства. Истина, печальная истина, заключается в том, что этот мятеж начался в то время, когда премьер-министром был г-н Адула. Он разразился прежде всего в Квилу в начале 1964 года, а затем в Киву, когда премьер-министром был г-н Адула. Мы должны быть справедливыми. Г-н Чомбе получил в наследство этот мятеж, когда он стал премьер-министром.

84. Когда мятеж начался, я прекрасно понимал, какие трудности и опасности Бельгии придется преодолевать. Начиная с этого времени я неоднократно говорил г-ну Адуле, что решение проблемы военным путем является плохим решением. Более того, я говорил ему, что проблема мятежа не может быть решена военным путем. Самое правильное — это попытаться найти политическое решение.

85. Хотя я должен извиниться за то, что я говорю так долго — но в конце концов мне приходится защищаться в одиночестве,— я все же должен сейчас зачитать выдержку из письма, написанного 12 июня 1964 года. Я никак не могу подумать, что кто-нибудь осмелится сказать, что оно было написано специально для того, чтобы оно могло послужить мне оправданием в деле, которое мне пришлось защищать шесть месяцев спустя. Я не обладаю даром пророчества. Тем не менее из этого письма ясно виден характер моего сотрудничества с правительством г-на Адулы.

86. Я говорил г-ну Адуле, которому я иногда писал личные письма, помимо обычных дипломатических каналов:

> «Учитывая развитие обстановки и наличие центров мятежа в Киву и Квилу, конголезское правительство, возможно, захочет получить помощь со стороны бельгийских специалистов в области планирования операций, которые оно, несомненно, намеревается провести против мятежников. Я должен со всей откровенностью сказать Вам, что подобная просьба вызвала бы у меня большие опасения. Одно дело, когда иностранное правительство принимает участие в подготовке полицейских сил в другой стране, и совсем другое дело, когда оно принимает непосредственное участие в систематических

карательных операциях. В последнем случае это уже будет означать не оказание бескорыстной помощи в целях улучшения организации полицейских сил, необходимых для любого правительства, а активную поддержку определенной политики, за которую оно, следовательно, будет нести свою долю ответственности.

Я вступил на путь, который может причинить мне неприятности как внутри страны, так и за ее пределами, если я не буду действовать с огромной осторожностью, особенно если учесть тот факт, что все имеющиеся в моем распоряжении сведения подтверждают одно, а именно то, что подавление существующих центров мятежа исключительно военными средствами является чрезвычайно трудным делом. По моему мнению, было бы неправильно прибегать только к принудительным мерам, когда существует возможность добиться согласованных политических решений, не вступая в компромисс по вопросам, имеющим жизненно важное значение. Как я вам часто говорил об этом, я считаю, что Конго должно приложить всю свою энергию для того, чтобы выполнить свое великое предназначение, и поэтому необходимо поощрять любые меры, которые сделают возможным сотрудничество в духе доброй воли. Хотя я и не могу судить об истинном значении их заявлений, различные конголезские лидеры, которые в настоящее время выступают против Вашего правительства, говорили нам о своем желании добиться примирения и о своем стремлении найти мирные решения существующих проблем. Сейчас, когда г-н Чомбе, г-н Сумиало и некоторые представители КНО (Комитет национального освобождения) в Браззавиле говорят о том, что они готовы вступить в переговоры, я считаю, что Бельгии было бы особенно трудно принять непосредственное участие в проведении исключительно карательных мероприятий. Наоборот, любую меру, которая могла бы содействовать поддержанию закона и порядка, можно было бы легко осуществить, если бы у всех сложилось впечатление о том, что в данный момент дело идет к национальному примирению. В этой связи я думаю, что необходимо официально принять меры по амнистии, предлагаемые в плане У Тана».

87. Я спрашиваю вас, является ли это письмо письмом человека, который замышлял агрессию? Является ли это письмо письмом человека, который намеревался осуществить военное вмешательство во внутренние дела Конго? Или, может быть, это письмо человека, который верил и все еще продолжает верить в то, что единственным решением проблем Конго является политическое решение? К сожалению, и это доказывает, что мы, бельгийцы, не имеем большой власти над конголезским правительством, г-н Адула не счел нужным последовать моему совету.

88. Затем к власти пришел г-н Чомбе. Мне известно, что существует легенда, согласно которой г-н Чомбе является креатурой бельгийцев и американцев. Я могу заверить вас, что это самая настоящая легенда. И я бросаю вызов любому с требованием представить хотя бы малейшее доказательство того, что правительство Бельгии играло хотя бы малейшую роль в замене г-на Адулы г-ном Чомбе. Я всегда считал, что назначение премьер-министра является прерогативой президента Конголезской Республики, что это не мое дело и что я не могу иметь в Конго человека, который мог бы выступать в качестве моего человека, ибо я очень хорошо знаю, что в тот момент, когда какого-либо человека в Конго сочтут ставленником бельгийцев или американцев — я надеюсь, американцы простят меня,— этот человек теряет на три четверти свою популярность.

89. Поэтому у меня действительно не было никаких оснований для того, чтобы попытаться повлиять на выбор премьер-министра Конго. Однако в конечном итоге к власти пришел г-н Чомбе. Изменил ли я политику Бельгии в отношении леопольдвильского правительства? Я проводил ту же самую политику или скорее даже я активизировал ее немного в той части, которая касается политики примирения и поисков политического решения.

90. Тем не менее произошло одно событие, о котором хорошо известно всем вам, кто выступил с этой трибуны с такими яростными нападками на Бельгию. 16 августа я созвал в Брюсселе совещание всех африканских послов — не только послов тех правительств, которые я могу назвать дружественными правительствами, правительствами, которые обычно дают мне добрые советы,— но даже представителей и послов правительств, которые, как правило, относятся враждебно к политике Бельгии. Я не хотел бы проводить между ними какого-либо различия, так как я не хочу, чтобы кто-либо смог даже предположить, что я пытаюсь расколоть африканские страны.

91. Что же я сказал этим африканским послам? Я уверен, что вы должны иметь в своих столицах в своих досье телеграммы и отчеты, которые вам направлялись. Я сказал — это было 16 августа, когда мятеж уже распространился на Квилу, Киву и другие места,— следующее:

> «Я крайне удивлен и весьма обеспокоен тем фактом, что со стороны африканских стран не наблюдается никакой реакции. Я не знаю, к чему мы придем в Конго, но если дела будут продолжаться так, как они идут сейчас, то мы вступим на такой путь, когда положение будет становиться все более серьезным и все более трудным, что, безусловно, нанесет вред Конго и что может также представить опасность для всей Африки. Поэтому я прошу вас довести это до сведения ваших правительств и просить их принять соответствующие меры».

92. Возможно, это было совпадением, ибо я не думаю, что я могу оказывать такое большое влияние на мировые дела, но через несколько дней после 16 августа получилось так, что некоторые

африканские правительства решили созвать совещание всех африканских стран в Аддис-Абебе. Это было правильным решением. И когда было опубликовано заключительное коммюнике сессии Совета министров ОАЕ в Аддис-Абебе, я сразу же заявил, причем сделал это публично, что я приветствую это коммюнике и надеюсь, что ОАЕ добьется успеха и что в любом случае я к ее услугам и готов сотрудничать с ней, если она сочтет это необходимым. Я признаюсь: в тот момент я думал, что не только у американцев в Вашингтоне потребуют отчета об их политике в Конго, но что и у бельгийцев потребуют объяснений, которые я был вполне готов дать и готов был сделать это с большой охотой, надеясь на то, что я смогу работать в тесном сотрудничестве со странами, которые являются членами ОАЕ.

93. Я еще раз спрашиваю, можно ли назвать это обращение к африканским странам политикой человека, планирующего агрессию?

94. Я также предпринял один, возможно, довольно смелый шаг: я попросил г-на Гбение приехать в Брюссель. Я говорю, что это был довольно смелый шаг, потому что в то время г-н Гбение был, по-видимому, вождем мятежников. Во всяком случае, он был человеком, который командовал даже г-ном Сумиало. Я взял на себя эту ответственность. Кстати, я должен сказать, что я известил об этом правительство Чомбе, заявив ему: «Я верю в политическое решение. Я верю в примирение. Я приглашаю г-на Гбение в Брюссель. Я хочу переговорить с ним. И если существует какая-либо возможность выступить в качестве посредника, я не хочу потерять эту возможность». Г-н Гбение приехал в Брюссель, и — удивительная вещь в наших демократических странах и в наше время — это было единственным делом из всех, которые мне приходилось вести в моей политической жизни и которое я мог сохранить в секрете. Г-н Гбение приехал в Брюссель. Я встречался с ним дважды, и никто об этом не знал. Я имел с ним продолжительный разговор. Я выслушал его точку зрения. Минуту назад я рассказал вам о том, что он мне сказал об отношениях его страны с Бельгией. В свою очередь я разъяснил ему существующее положение, как я его понимал. Мы расстались очень хорошо и я сказал ему: «Я буду поддерживать с вами связь, так как возможно, что после этого обмена мнениями мы сможем что-либо предпринять».

95. 26 августа я направил следующую телеграмму бельгийскому послу в Усумбуре:

«Как Вам известно, я имел две встречи с Гбение в Брюсселе. Направляю Вам с курьером отчеты об этих встречах. Было решено, что г-н Гбение будет поддерживать с Вами связь, и я обещал дать ему памятную записку, которую я прошу Вас передать ему. В этой связи я намереваюсь обеспечить согласие Гбение и его друзей с вышеупомянутым текстом и на этой основе организовать встречу с Чомбе».

96. Является ли это позицией человека, который планирует агрессию против мятежников и против Конго?

97. Я не буду зачитывать вам весь текст вышеупомянутой памятной записки, так как он довольно длинный. Однако я хотел бы дать вам общее представление о главных пунктах тех советов, которые я пытался дать г-ну Гбение (я уверен, что теперешнему правительству Конго не все они понравятся):

I. Военное решение конфликта, разделяющего Конго, по-видимому, исключено.

II. Если гражданская война будет продолжаться или если Конго будет разделено между двумя или более властями, по всей вероятности, там будет иметь место иностранная интервенция в крупных масштабах. Ни Конго, ни Африка ничего не выиграют от создания новой Кореи или нового Вьетнама.

III. Поскольку военное решение вопроса исключается или во всяком случае его можно добиться слишком дорогой ценой, необходимо найти другое решение. Имеется только один выход: политическое решение на основе самого широкого примирения.

IV. Политическое решение может быть найдено только в том случае, если стороны не будут выдвигать каких-либо предварительных условий своего соглашения и если, наоборот, они согласятся принять позитивную программу действий.

V. Никакое решение не может иметь под собой абсолютно законченной правовой основы. Ни «Loi fondamentale», ни новая конституция не могут быть полностью проведены в жизнь. Законность нового правительства будет основываться на самом факте его существования и его признания за границей. Цель будет заключаться в том, чтобы сформировать правительство на основе самого широкого союза, ибо Конго нужны свои способные деятели как в Леопольдвиле, так и в провинциях.

VI. Эта формула должна быть предложена в качестве временной. Такое положение будет сохраняться до тех пор, пока в стране не будут полностью восстановлены мир и порядок, когда будут созданы условия для проведения выборов. После выборов можно будет вернуться к более нормальной форме правления.

98. Таким образом, все, что было сказано с этой трибуны за последние два дня о том, какую политику нужно проводить — я не хотел бы, чтобы это было истолковано как неуместное проявление гордости,— было сказано мною уже давно. Но я должен спросить вас с некоторой гордостью и не опасаясь возражений: какая другая страна во время критических дней августа и сентября предприняла столько попыток для того, чтобы добиться политического примирения в Конго, помешать возникновению гражданской войны и

найти единственное решение, которое было еще возможным,— решение на основе союза?

99. Именно в свете этой политики необходимо рассматривать инцидент в Стэнливиле. Трудно вообразить, чтобы правительство или человек, которые в течение многих тяжелых месяцев совместно с г-ном Адулой и г-ном Чомбе и в сотрудничестве с африканскими государствами трудился над тем, чтобы найти возможное политическое решение проблемы, мог оказаться тем человеком, который предпринял или хотел предпринять предумышленные военные действия и расистские маневры в Конго. Это — грязная клевета в отношении моих намерений, которая не подкрепляется ни единым, я повторяю ни единым, фактом.

100. Таковы мои объяснения. Операция в Стэнливиле была особой операцией, проведенной в рамках общей политики, которую я только что изложил. Операция в Стэнливиле была мучительным делом. Но — и в этом вопросе я согласен с теми, кто выступал передо мной,— то, что нам приходится сейчас решать, это — вся проблема Конго в целом, это — будущее Конго, которое поставлено на карту. Мог ли я поступить иначе?

101. Конечно, Бельгия могла проводить в Конго совсем другую политику. Я могу прямо сказать, что в течение этих последних нескольких лет, и особенно в течение последних нескольких месяцев эта идея иногда приходила мне в голову. Эта политика заключалась бы в отказе от всего. Именно это некоторые советовали мне сделать. Именно этот совет давали мне в течение последних нескольких недель в беседах, которые я имел с представителями некоторых стран, заявлявших мне следующее: «Устранитесь от всего этого дела, и пусть другие также не вмешиваются во все это. Пусть они сами решают эти вопросы. Это будет продолжаться в течение одного-двух, может быть, четырех лет, а затем мы посмотрим, что останется от этой страны, которая могла бы быть одной из самых богатых и процветающих стран в Африке».

102. Разве это в интересах Конго, позволить им драться перед нашими равнодушными взорами?

103. У меня нет желания обходить трудности. Действительно, у Бельгии имеются экономические интересы в Конго. Но я хочу сказать вам, будучи уверенным в своей правоте, что в настоящее время Бельгия может обойтись без Конго. Однако на основании того, что я слышал от всех конголезских политических лидеров, с которыми я встречался, я никак не верю в то, что Конго может обойтись без Бельгии. Капиталистическая экономическая структура, которая, по общему признанию, существует,— это единственное, что еще сохранилось в Конго после этих четырех лет. Сменявшие друг друга правительства были слабыми, а администрация почти полностью отсутствовала. Однако Конго выжило благодаря своей экономической структуре. В марте я заключил с г-ном Адулой несколько соглашений, которые, если они будут ратифицированы, позволят конголезцам стать абсолютными хозяевами всех своих шахт, всех своих транспортных средств и всей своей электроэнергии. Имея все это, Конго может стать великой страной. Конго может стать процветающей и богатой страной. Именно этого горячо желает Бельгия. Я хотел бы быть абсолютно уверенным в том, что именно это также является искренним желанием всех африканских стран без исключения.

104. Бельгия не является ни колониальным, ни неоколониальным, ни империалистическим государством. Бельгия не является ни жестокой, ни расистской страной. Министр иностранных дел Бельгии с гордостью делает здесь это официальное и торжественное заявление. Правительство Бельгии готово сотрудничать с Организацией Объединенных Наций. Правительство Бельгии готово сотрудничать с Организацией африканского единства. Правительство Бельгии готово сотрудничать с законным правительством Конго, чтобы помочь ему преодолеть его огромные трудности. Именно это и означает — без хвастовства, и без высоких слов — действительно работать во имя мира, во имя дружбы между народами и братства между людьми.

105. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-испански)*: Я хотел бы поблагодарить министра иностранных дел Бельгии. Следующим оратором в моем списке является представитель Демократической Республики Конго, которому я и предоставляю слово.

106. Г-н ИДЗУМБУИР (Демократическая Республика Конго) *(говорит по-французски)*: Наша делегация высоко ценит выпавшую на ее долю честь принять участие в дискуссии, которая ведется в Совете Безопасности. Мы хотели бы воспользоваться этой возможностью, чтобы пролить свет на некоторые факты и события, которые имели место на территории нашей страны, и тем самым дать возможность членам Совета составить о них правильное представление.

107. Я не хочу напоминать вам о том, какие важные функции Организация Объединенных Наций возложила на Совет Безопасности. Я хочу только сказать, что осуществление этих функций требует от вас и всех членов Организации Объединенных Наций веры в Устав нашей Организации, определяющий рамки, в которых могут действовать различные органы, и ограничивающий действия различных государств-членов. Другими словами, он устанавливает ряд основных принципов, соблюдение которых является важным условием поддержания мира и нарушение которых в конечном итоге создает угрозу миру. Поскольку ваша главная задача заключается в поддержании мира, вы в силу необходимости обязаны обеспечить, чтобы эти основные принципы соблюдались. Наша делегация уверена, что Совет Безопасности выполнит свою задачу, как он всегда делал это ранее, и что в этот тяжелый и печальный момент в истории моей страны, которая является членом Организации Объединенных

Наций, он будет продолжать действовать в соответствии с Уставом и своими традициями.

108. Изучив все предыдущие заявления, я считаю необходимым рассмотреть следующие пункты: во-первых, проблема американо-бельгийской спасательной операции, которая затрагивает вопрос о суверенитете моей страны; во-вторых, проблема мятежа — вооруженного выступления против законного правительства Республики,— которая затрагивает вопрос о подавлении мятежа; в-третьих, африканское политическое решение, предлагаемое в рамках ОАЕ; в-четвертых, одностороннее иностранное вмешательство во внутренние дела Демократической Республики Конго.

109. Я хотел бы рассмотреть американо-бельгийскую спасательную операцию в Стэнливиле в ее истинном свете. В течение некоторого времени, до того, как мы вновь заняли Стэнливиль, общественное мнение Конго проявляло беспокойство. Местная печать в Леопольдвиле сообщала о сознательном замедлении продвижения наших войск, причиной которого являлось то, что стэнливильские мятежники угрожали убить иностранных гражданских лиц, в частности бельгийцев и американцев. Я был в это время в Леопольдвиле и поэтому я знаю, что говорю правду.

110. Ясно одно: если бы наши войска, которые в то время не встречали практически никакого сопротивления, подошли слишком близко к Стэнливилю, судьба иностранных гражданских лиц, которых мятежники захватили в качестве заложников, была бы решена. В приложении № 18 брошюры, опубликованной правительством Демократической Республики Конго и озаглавленной «The Congo Rebellion» [3], имеется фотокопия телеграммы генерала Оленги, направленной в Кинду майору Тщенда Оскару. Из этой телеграммы видно, каким было настроение мятежников в то время. Первые слова представляют собой условные обозначения, а сам текст гласит следующее: «Американцы и бельгийцы должны находиться под охраной в надежном месте. В том случае, если район будет подвергнут бомбардировке, уничтожьте их всех без всяких объяснений». Это, как я уже сказал, является фотокопией телеграммы, которая была захвачена.

111. Кроме того, радиопередачи из Стэнливиля, которые можно было слушать в Леопольдвиле, велись в то время в том же духе. Я прочту вам одну из них: «Американцы и европейцы должны содержаться как заложники до тех пор, пока Чомбе не перестанет использовать наемников». Что обычно ожидает заложников? Мне незачем объяснять вам это.

112. Правительство столкнулось с дилеммой: либо оно могло разрешить своим войскам продвигаться дальше и рисковать жизнью заложников, которые могли быть убиты, либо остановить продвижение войск в надежде на то, что мятежники образумятся. Именно в это время конголезское общественное мнение начало проявлять нетерпение.

113. Правительство воспользовалось этой передышкой и неоднократно обращалось к мятежникам с просьбами разрешить эвакуацию иностранцев. С таким же призывом выступил и Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций. Специальная комиссия ОАЕ через своего председателя сделала то же самое. И, наконец, представитель Красного Креста, которого я знаю лично, с которым я разговаривал и с которым я неоднократно встречался, предпринял усилия для того, чтобы добиться этой же цели. Все эти призывы оказались напрасными. Мятежники предпочли воспользоваться человеческими жизнями, для того чтобы выторговать себе политические преимущества, например добиться признания мятежного правительства.

114. Именно ввиду этой возмутительной позиции и этих невыполнимых требований и родилась идея спасательной операции. В Бельгии об этой операции уже начали распространяться слухи, которые вызвали беспокойство у конголезского общественного мнения, и опять же я знаю о чем я говорю, так как я находился в это время там. Эти слухи говорили о том, что Бельгии необходимо вмешаться, для того чтобы спасти бельгийцев, которые содержались в качестве заложников в Стэнливиле. Конголезское правительство заняло в то время твердую позицию, которая была выражена его представителем г-ном Синда, заявившим, что любое одностороннее вмешательство подобного рода представит собой открытую агрессию — это не совсем совпадает с толкованием, которое было дано, или текстами, которые были процитированы одним из представителей, а именно представителем Алжира. В скором времени начались переговоры, которые привели к тому, что правительство дало свое согласие на операцию, что и было зафиксировано в письмах премьер-министра Демократической Республики Конго на имя послов Соединенных Штатов Америки и Бельгии в Леопольдвиле (S/6062 и S/6063) [4].

(Оратор зачитывает текст этих писем).

115. После того, как правительство дало свое согласие на указанную операцию, был высажен парашютный десант в определенных районах и для определенных целей, причем нанесенный ущерб был минимальным. Парашютисты никогда не ставили перед собой задачу подавить мятеж. Это подтверждается тем фактом, что бои между конголезской армией и мятежниками продолжались и после того, как парашютисты были отозваны. В настоящий момент парашютисты вернулись в Бельгию, где они и находятся с 1 декабря. Я был там, когда они все вернулись.

---

[3] Издано службой печати Демократической Республики Конго, «Конкордиа принтер», Леопольдвиль, декабрь 1964 года.

[4] *Официальные отчеты Совета Безопасности, девятнадцатый год, Дополнение за октябрь, ноябрь и декабрь 1964 года.*

116. Такова обстановка, в которой была проведена эта спасательная операция. Сейчас вы можете сказать, была ли эта операция актом агрессии со стороны сил империализма, как ее называют некоторые. Вы можете также сказать, была ли эта операция так называемым вмешательством во внутренние дела страны. Что же касается утверждения о том, что она представляла собой угрозу для соседних стран, то я, пожалуй, могу допустить это. Однако из всех этих стран только Судан поднял свой голос. Я хотел бы сказать министру иностранных дел Судана, что в данном случае нужно было всего-навсего принять некоторые предупредительные меры на границе. Во всяком случае, эта операция вызвала только панику в этой стране, так как ни одно из бельгийских парашютно-десантных подразделений не вступило на территорию Судана и все они вернулись в Бельгию к 1 декабря.

117. Что касается опасений, высказанных представителем Конго (Браззавиль), то они являются мало обоснованными, учитывая расстояние, отделяющее Стэнливиль от Браззавиля. В отношении этой страны я также хотел бы сказать, что она отделалась испугом: парашютистов уже нет на территории Демократической Республики Конго.

118. Однако имеется еще один вопрос: почему те же самые страны, которые говорили об угрозах Африке, когда проводилась стэнливильская операция, сохраняли молчание, когда три восточноафриканских правительства потребовали вмешательства иностранных войск для того, чтобы подавить мятеж? Вот где зарыта собака. В этом проявляется отсутствие логики, что приведет нас, если мы будем в этом упорствовать, к провалу всей системы сотрудничества, которую мы пытаемся создать. Здесь уместно привести слова государственного министра Сенегала, сказанные в адрес критиков политики Конго: «Не всегда можно догадаться, каким интересам они служат».

119. Вы должны понять, почему в рамках ОАЕ нам не может быть оказано никакой помощи в деле преодоления наших трудностей. Мы называем мятежниками тех, кто поднял оружие против законного правительства, однако те же самые страны, которые признали наше правительство, например Гана, называют их националистами, в то время как другие говорят о них как о патриотах. Конечно, для того чтобы прослыть истинными националистами, анархистам и мятежникам, достаточно всего лишь отрастить бороды и выступить с обличениями империализма, колониализма и неоколониализма, а также попытаться спровоцировать беспорядки, находясь на безопасном расстоянии. Я знаю некоторых из этих националистов, которые на время сбрили свои бороды, для того чтобы служить премьер-министру во время его пребывания в Мадриде и которые сегодня, вновь отрастив бороды, стали националистами, для того чтобы бороться против него. Это — парадокс. Я не хочу останавливаться на этом, но я хотел бы, чтобы Совет составил ясное представление о том, как развивался мятеж.

120. Именно после парламентских каникул оппозиция уходящему в отставку правительству начала принимать форму насилия. В Леопольдвиле, где я находился с марта 1964 года, произошли печальные инциденты, связанные со взрывами пластических бомб и применением гранат против мирных людей. Все эти средства были использованы оппозицией для того, чтобы выразить свое недовольство. Нет никакой необходимости подробно говорить об ужасных сценах, когда в толпы людей, идущих к кабинам для голосования, а также участвующих в свадебных процессиях, бросали ручные гранаты, убивая и раня без разбору мужчин, женщин и детей.

121. 30 июня истек срок полномочий законодательного органа, парламент был распущен, и глава государства принял отставку правительства Адулы. Я должен отметить тот факт, что Адула, находясь еще у власти, дал на это свое согласие, когда теперешний премьер-министр вернулся в Леопольдвиль, после того как ему был оказан королевский прием в Мали. Глава государства поручил ему провести консультации, а затем сформировать правительство. Он провел консультации со всеми политическими группировками, даже с теми, которые в качестве метода оппозиции избрали насилие, а именно с КНО. Он даже решил поехать в Браззавиль для того, чтобы встретиться с Гбение и другими деятелями, и он бы поехал туда, если бы не получил отказа со стороны браззавильских властей.

122. Ведь это факт, что, подобно другим крупным политическим группировкам — радикалам и Демократическому африканскому комитету,— КНО выделил ряд своих членов для участия в сформировании переходного правительства, которое взяло на себя задачу восстановления мира, оживления экономической деятельности, возобновления процесса примирения и подготовки к парламентским выборам, которые состоятся в феврале — марте будущего года.

123. В этот момент правительство обратилось ко всему населению положить конец насилию, возвратиться домой и уладить свои разногласия для того, чтобы создать мирные условия, необходимые для проведения выборов. Некоторые члены КНО ответили на этот призыв и вернулись домой, в связи с чем акты насилия в Леопольдвиле прекратились. Другие же, опьяненные первыми военными успехами в восточной части страны, предпочли прибегнуть к новому насилию в этих районах. У правительства не оставалось другого выхода, как ответить насилием на насилие.

124. Кое-кто счел возможным прочитать нам лекцию по поводу этих репрессий. Признаюсь, я с удивлением выслушал эти лекции от тех людей, которые в своих собственных странах практиковали и все еще практикуют насильственное подавление любой оппозиции.

125. Если мы обратимся к самым свежим примерам насильственного подавления оппозиции в Африке, то мы вспомним, что в 1963 году в одной

из восточноафриканских стран вспыхнул мятеж во время отсутствия главы государства. По его возвращении мятеж был безжалостно подавлен железной рукой. Мы слышали отголоски этого события во время нашего пребывания в этой стране вскоре после того, как все это произошло.

126. В январе 1964 года три восточноафриканские страны призвали иностранные войска для подавления мятежа. Тем, кто в 1960 году осудил Конго за то, что оно призвало бельгийские войска, пришлось взять свои слова обратно в феврале 1964 года в Дар-эс-Саламе во время чрезвычайной сессии Совета министров ОАЕ. Сегодня они, называя себя африканцами, выражают свое фальшивое негодование по поводу операции, целью которой даже не было подавление мятежа.

127. В 1964 году моя страна явилась свидетелем непрерывного притока черных беженцев из Судана, которые спасались от жестоких репрессивных мер, принимавшихся арабскими властями Севера против черного населения. Мы не услышали в этой связи никаких слов негодования со стороны этих фальшивых братьев.

128. Также в 1964 году, задолго до того как в Конго имели место акты насилия, режим Бен Беллы вел борьбу против движения в Кабиле, используя средства массового уничтожения, предоставляемые ему его друзьями с Востока. Почему эти друзья не советовали этому режиму добиться примирения с патриотами, которые боролись против диктатуры Бен Беллы? Где сейчас Ферхат Аббас, где сейчас Бен Хедда? Где сейчас те, кто первоначально сражался на его стороне — Чаабани и Аит Ахмед? Первый был трусливо казнен без суда и приговора, а последнему угрожала та же самая участь, если бы не вмешательство некоторых арабских правительств, которые проявили уважение к храбрости и убеждениям этого великого патриота. Больше всего они хотели быть алжирцами. Они не хотели видеть, как независимость, которую они завоевали такой дорогой ценой, отдается иностранным идеологам как подарок на серебряном блюде. Конечно, они должны были быть осуждены как реакционеры, продавшиеся империалистам, колониалистам и неоколониалистам. Все мы слышали эту песню раньше, мы знаем ее мотив и ее автора.

129. Те, кто сейчас поднимает голос в фальшивом негодовании, не сказали ни одного слова в Совете, когда в районах, находившихся под их властью, мятежники варварски уничтожали всю интеллектуальную элиту. Мне не нужно говорить вам, что в Кинду, Альбертвиле, Увире, Икеле, Боэнде, Полисе и в других местах были казнены все чиновники и служащие частных организаций которые не смогли предъявить удостоверение МНК (Конголезское национальное движение/Лумумба). Зверства, совершенные в указанных местах, настолько ужасны, что мне стыдно подумать о том, что ответственность за них лежит на моем народе. Я просто зачитаю вам показания очевидцев, часть из которых были сообщены лично и непосредственно мне. Я был в Леопольдвиле, когда туда прибыли люди, спасшиеся от резни. Я опросил некоторых из них — они были конголезцами — для сведения тех, кто хочет знать точные факты.

130. Вот что рассказали эти свидетели:

«Г-н Жан-Роже Нгумба, бывшее доверенное лицо «генерала» Николаса Оленги, цитирует следующие слова, произнесенные главнокомандующим войсками мятежников: „Китайские коммунисты убили миллионы и миллионы людей. Вот почему они имели успех. Мы должны последовать их примеру".

Это не были пустые угрозы. В Стэнливиле они убили мэра г-на Леопольда Матабо, которому мятежники-каннибалы живому отрубили руки и ноги на городском рынке. Были убиты также секретарь провинции г-н Габриэль Балете; бывший министр внутренних дел г-н Жорж Коконiянге; директор министерства внутренних дел провинции Пьер Аламазани; мэр общины Мангобо Альфред Бонинголи; начальник арабского района Сабити Мабе; главный редактор местной газеты *La Gazette* Гильом Замбите; аббат Этьен ордена Премонтре, а также все члены суда, за исключением Криспин Лубанзи. Трое из этих судей стали жертвами самых диких актов каннибализма»[5].

131. В этой связи я могу передать вам слова очевидца, который описал, как был убит один гражданин у подножия памятника Лумумбе в Стэнливиле. Они разрезали ему живот и грудь, вырвали его сердце и почки и съели их на глазах у его жены и детей. Некоторые из них, еще с полными ртами крови, пошли в ближайшую булочную взять хлеба, для того чтобы им было легче проглотить куски, которые все еще находились у них во рту.

«Более двух тысяч конголезцев — элита этого района — были истреблены в Стэнливиле, зарезаны мачете, забиты до смерти или сожжены живьем. Памятник Патрису Лумумбе, находящийся в центре города, служил в качестве алтаря для этих кровавых жертвоприношений, и это факт, что, несмотря на проливные тропические дожди, земля на этом месте все еще окрашена кровью наших соотечественников.

Беженец-пакистанец из Стэнливиля рассказал следующее о том, что видел.

Однажды мятежники привели к памятнику Лумумбе пленных. Все население силой заставили присутствовать при ужасной резне: некоторым пленникам отрезали ступни ног, другим ноги, третьим руки или половые органы, которые затем засовывали им в рот».

Я должен извиниться за все эти подробности, но мне приходится сообщать их вам. Я цитирую снова:

---

[5] См. «The Congo Rebellion», op. cit.

«Однажды житель Стэнливиля, у которого было много друзей среди стэнливильских правительственных чиновников, был увезен за 100 километров и убит пятью выстрелами; его закопали наполовину в землю, оставив верхнюю часть его тела снаружи. Мы посетили это место с пятью его друзьями и увидели трупы нескольких сот африканцев ...

В Кинду, столице провинции Маниема, было убито без всякого суда более 800 человек, включая различных служащих.

В Полисе губернатор провинции Уеле г-н Мамбайя, его секретарь г-н Жозеф Табало, а также члены «Радеко»— партии г-на Сириллы Адулы, гражданские служащие, учителя, судьи и военнопленные подверглись поголовной резне ... Число жертв превышает четыре тысячи человек» [5].

132. Я не буду зачитывать вам показания одной женщины из Кинду, которые я лично слышал непосредственно из ее уст. Эту женщину вместе с ее детьми заставили присутствовать при убийстве — казни ее мужа. Они заставили его проглотить литр бензина, затем проткнули ему желудок и подожгли его, а его жена и дети были заброса-ны кусками тела ее мужа и их отца.

133. Я не буду больше рассказывать вам эти подробности. Теперь вы понимаете, что эти фальшивые братья называют освобождением. И все же находятся люди, которые говорят, что репрессии в таких обстоятельствах должны быть мягкими.

134. Простите меня за то, что я проявляю такое глубокое волнение, рассказывая об этих фактах. Они затрагивают меня лично как человека. Между прочим, я уроженец района, в котором начался мятеж — вооруженное восстание, и мне не нужно расказывать, что я переживаю в этой связи и каковы мои чувства в отношении моей собственной семьи. Вы поймете мое негодование в отношении людей, которые выступают здесь с открытой поддержкой лиц, ответственных за те огромные страдания, которые приходится испытывать людям в Восточном и Северном районах Республики.

135. Некоторые делегации, выступая по данному вопросу, ссылались на африканское политическое решение, рекомендованное советом министров Организации африканского единства на его чрезвычайной сессии в сентябре этого года.

136. Я принимал участие в работе этой сессии и считаю себя обязанным высказать ряд замечаний по резолюции от 10 сентября 1964 года, которая гласит следующее:

«Совет министров Организации африканского единства на своей третьей чрезвычайной сессии, состоявшейся в Аддис-Абебе с 5 по 10 сентября 1964 года, рассмотрел проблему Конго и ее влияние на соседние государства и на всю Африку в целом;

изучив послания, адресованные совету министров несколькими главами государств и правительств африканских стран, в частности послание президента Касавубу, в котором он выражал свою убежденность в том, что решение проблемы Конго должно быть найдено в рамках Организации африканского единства;

приняв во внимание предложения правительства Демократической Республики Конго, Республики Конго (Браззавиль) и Королевства Бурунди о том, чтобы ОАЕ направила в эти страны миссии по установлению фактов и миссии доброй воли для поисков средств установления нормальных отношений между Демократической Республикой Конго и Республикой Конго (Браззавиль), а также между Демократической Республикой Конго и Королевством Бурунди;

приняв во внимание заявление премьер-министра Демократической Республики Конго, в котором говорится о его усилиях и желании добиться национального примирения в его стране;

глубоко озабоченный ухудшением положения в Демократической Республике Конго, вызванным иностранным вмешательством, а также использованием наемников, которые вербуются главным образом в расистских странах Южной Африки и Южной Родезии;

подтверждая резолюции Организации африканского единства, в которых всем африканским государствам предлагается воздерживаться от каких-либо отношений с правительством Южной Африки ввиду того, что оно проводит политику апартеида;

А сколько африканских государств не выполняет эту часть резолюции! Я продолжаю:

считая, что иностранное вмешательство и использование наемников оказывают отрицательное влияние на соседние независимые государства, а также на национально-освободительную борьбу в Анголе, Южной Родезии, Мозамбике и других территориях этого района, которые все еще находятся под колониальным гнетом, и представляют собой серьезную угрозу миру на африканском континенте;

будучи убежден в том, что решение проблемы Конго, являясь по своему существу политическим, зависит от достижения национального примирения и восстановления порядка,— я подчеркиваю это,— что позволило бы добиться стабильности, экономического развития Конго, а также обеспечения его территориальной целостности; ...».

Далее следует постановляющая часть резолюции:

«1. *обращается* к правительству Демократической Республики Конго с призывом немедленно прекратить вербовку наемников и как можно скорее выслать из страны всех наемни-

[5] См. «The Congo Rebellion», op. cit.

ков любой национальности, которые уже находятся в Конго, для того чтобы содействовать решению проблемы Конго самими африканцами;

2. *принимает во внимание* торжественное обещание премьер-министра Демократической Республики Конго гарантировать безопасность тем, кто сложит оружие;

3. *призывает,* особенно всех, кто сейчас ведет вооруженную борьбу, прекратить военные действия для того, чтобы с помощью Организации африканского единства найти решение, которое сделало бы возможным национальное примирение и восстановление порядка в Конго;

4. *обращается* ко всем политическим лидерам Демократической Республики Конго с призывом всеми средствами добиваться сохранения и консолидации национального примирения;

5. *решает* создать и немедленно отправить...»— я подчеркиваю это,— «... в Демократическую Республику Конго, Республику Конго (Браззавиль) и Королевство Бурунди Специальную комиссию в составе Камеруна, Эфиопии, Ганы, Гвинеи, Нигерии, Сомали, Туниса, Объединенной Арабской Республики, Верхней Вольты под эффективным председательством премьер-министра Кении Его Превосходительства Джомо Кениаты, которая будет иметь следующие полномочия:

a) оказывать помощь и поощрять правительство Демократической Республики Конго в его усилиях, направленных на восстановление национального примирения в соответствии с пунктами 2 и 3 настоящей резолюции;

b) всеми средствами добиваться восстановления нормальных отношений между Демократической Республикой Конго и ее соседями, в частности с Королевством Бурунди и Республикой Конго (Браззавиль);

6. *предлагает* этой Комиссии представить свой доклад административному генеральному секретарю ОАЕ, который будет немедленно направлен всем государствам-членам;

7. *настойчиво обращается* с призывом ко всем государствам, которые в настоящее время вмешиваются во внутренние дела Демократической Республики Конго, прекратить это вмешательство. Государствам-членам далее предлагается дать инструкции своим дипломатическим миссиям, аккредитованным в этих странах, с тем чтобы они добились выполнения этого призыва;

8. *предлагает* всем государствам-членам воздерживаться от любых действий, которые могут ухудшить обстановку в Демократической Республике Конго либо ухудшить отношения между Демократической Республикой Конго и ее соседями;

9. *предлагает* административному генеральному секретарю предоставить Комиссии любую помощь, необходимую для выполнения ее миссии».

Я только что зачитал вам из находящейся у меня фотокопии полный текст резолюции Организации африканского единства.

137. Эта резолюция, при голосовании которой мое правительство воздержалось, требует некоторых разъяснений по ряду вопросов, в том числе по вопросу о политическом решении, о прекращении вербовки так называемых добровольцев-«наемников», о прекращении военных действий, об учреждении Специальной комиссии и о том, как эта Комиссия выполнила свою задачу.

138. Моя делегация должна указать на то, что пункт преамбулы, касающийся политического решения, связывает вопрос о примирении с вопросом о восстановлении порядка и ставит его в зависимость от последнего. Никто из нас не станет утверждать, что там, где граждане с оружием в руках выступают против законных властей, может существовать порядок.

139. Что касается вопроса о прекращении вербовки так называемых наемников, то я должен несколько отвлечься, для того чтобы разъяснить положение дел.

140. В сентябре этого года в Аддис-Абебе премьер-министр просил совет министров ОАЕ согласиться с тем, что любая африканская страна, к которой обратится правительство Республики, может оказать ей военную помощь в целях поддержания порядка в районах, где восстановлено спокойствие.

141. Совет заявил, что это не входит в его обязанности, но, с другой стороны, высказал пожелание, чтобы добровольцы, которые были завербованы в индивидуальном порядке для службы в нашей армии, были немедленно удалены и больше не вербовались — и это в то время, когда нашей армии приходилось иметь дело с оппозицией, которая также была вооружена! Это — камень преткновения. Поскольку одно зависит от другого, отказ от одного должен означать отказ и от другого. Однако некоторые люди хотят, чтобы Организация африканского единства направила войска в Конго без ее согласия. Нетрудно догадаться, из каких источников вербовались бы эти наемники: например, из одной африканской страны, правительство которой всячески рекламирует их под тем благовидным предлогом, что эта страна должна выполнить особую миссию в Африке. С этим мы также не можем согласиться.

142. Кроме того, в резолюции предписывается, чтобы мы значительно сократили вербовку наемников любой национальности и в кратчайший срок удалили тех, которые уже находятся в Конго. Я подчеркиваю эти слова: «любой национальности». Для нас было бы легко удалить тех, кто находится под нашим контролем. Однако мы должны также выискивать и удалять тех, кто мо-

жет находиться под контролем мятежников. Пока мы не контролируем всю нашу территорию, для нас трудно полностью выполнить обязательства, налагаемые на нас пунктом 1 постановляющей части этой резолюции.

143. Что касается прекращения военных действий, о котором говорится в пункте 3 постановляющей части, то мое правительство и другие правительства справедливо указывали на то, что нельзя навязывать прекращение огня правительству, которому приходится иметь дело с вооруженным восстанием. Поэтому термин «прекращение огня» был исключен из текста. Однако слова «всех, кто сейчас ведет вооруженную борьбу» были сохранены на том основании, что их нужно рассматривать в свете пункта 2 постановляющей части, в котором говорится о том, что правительство гарантирует безопасность тем, кто сложит оружие.

144. Сейчас я перехожу к пункту 5 постановляющей части, который касается Специальной комиссии. Я сожалею о том, что мне приходится упоминать здесь об этой Комиссии, так как я считаю, что эта Комиссия подотчетна совету министров Организации африканского единства — единственному органу, перед которым я считаю себя вправе критиковать ее. Однако, учитывая то, что те лица, которых один из журналистов назвал авангардом Африки, затронули этот вопрос, я считаю, что я также обязан официально высказать свою точку зрения.

145. Специальной комиссии были предоставлены следующие полномочия: «*a*) оказывать помощь и поощрять правительство Демократической Республики Конго в его усилиях, направленных на восстановление национального примирения в соответствии с пунктами 2 и 3 настоящей резолюции; *b*) всеми средствами добиваться восстановления нормальных отношений между Демократической Республикой Конго и ее соседями, в частности с Королевством Бурунди и Республикой Конго (Браззавиль)».

146. Что касается проблемы Конго, то совет министров пожелал, чтобы Специальная комиссия немедлено посетила — я подчеркиваю слово «немедленно» — Конго (Леопольдвиль), Бурунди и Конго (Браззавиль). Таковы положения этой резолюции.

147. Что предприняла эта Комиссия? Она поспешила направить свою подкомиссию в Вашингтон, отказавшись выехать из Найроби и ограничив свои функции призывами, которые оказались бесполезными, о прекращении военных действий.

148. Почему она не приехала в Леопольдвиль, о чем ее неоднократно просило наше правительство? Почему она не выехала в Стэнливиль для того, чтобы предложить вождям мятежа прекратить военные действия? Почему эта Комиссия не выразила никакого протеста, когда Икела, Боэнде и другие населенные пункты были захвачены мятежниками и когда нависла угроза над Кокийявилем? Почему она хранила молчание, когда мятежники в Боэнде, Икеле и Стэнливиле убивали чиновников и служащих частных компаний?

149. Однако сейчас, когда Стэнливиль пал, когда вожди мятежников находятся в замешательстве, а тысячи мятежников сложили оружие, разочарованные и оставленные в беде своими вождями, которые нашли время вывезти золотые запасы в другие страны для того, чтобы путешествовать и жить в роскошных гостиницах, Комиссия внезапно оживилась. Комиссия не сочла нужным собираться после заседаний в Аддис-Абебе и в Найроби, однако она поспешила созвать заседание после того, как пал оплот мятежников — Стэнливиль.

150. Что касается посылки миссии в Вашингтон, то я хотел бы сказать, что Комиссия превысила свои полномочия, направив туда свою подкомиссию. Комиссия приняла это решение на основе пункта 7 постановляющей части резолюции, в котором содержится следующая фраза:

> «*Настойчиво обращается* с призывом ко всем государствам, которые в настоящее время вмешиваются во внутренние дела Демократической Республики Конго, прекратить это вмешательство».

Когда обсуждался этот пункт — а я принимал участие в этом обсуждении,— одна из делегаций хотела указать, какие конкретно государства причастны к этому вмешательству. Совет министров не согласился с этой точкой зрения, предоставив каждой стране право обращаться в соответствующие организации. Комиссия, не обратив никакого внимания на это решение Совета, осмелилась нарушить его инструкции и присвоила себе функции, которые совет министров специально оставил на усмотрение каждого государства — члена ОАЕ.

151. Ввиду того что по этому вопросу существуют разные точки зрения, а также ввиду отсутствия логики — я надеюсь, что это объясняется только молодостью нашей Организации и что, следовательно, это — явление временное,— будет трудно даже в рамках Организации африканского единства добиться скорого решения щекотливой проблемы Конго. Даже те предложения, которые являются превосходными с теоретической точки зрения, очень трудно решить в рамках Организации, в которой мы говорим на разных языках.

152. Я сожалею о том, что возникла такая ситуация, но я должен обратить на это ваше внимание, ибо я не хочу уподобляться страусу. Проблема Конго должна быть решена конголезцами и только ими с помощью тех, кто хочет сотрудничать с ними, проявляя уважение к их суверенитету и не пытаясь поставить их страну под опеку той или иной организации.

153. Что касается Специальной комиссии, то я на этом закончу. Я просто хотел объяснить, в какой обстановке была принята эта резолюция,

на которую ссылаются многочисленные ораторы, особенно, если учесть, что в ее тексте имеются упущения, которые на первый взгляд могут показаться преднамеренными.

154. Я выслушал предыдущих ораторов. Я слышал их ссылки на иностранные газеты и иностранные агентства печати. Разрешите мне последовать их примеру и в этой связи рассказать о том, что мне пришлось прочитать в № 210 журнала *Jeune Afrique* от 13 декабря 1964 года, на странице 6 которого имеется статья Симона Маллея — африканского журналиста из Туниса, который, понятно, лучше других осведомлен о фактах и событиях, имеющих место в Северной Африке. Давайте обратимся к этой интересной статье. Она озаглавлена «Ответ Африки: прямые действия в Конго. Десять африканских стран объявляют войну Чомбе». Я привожу текст этой статьи:

«Одно из „сверхсекретных" решений, принятых группой глав африканских государств на последней Конференции неприсоединившихся стран в Каире, было выполнено. Это — одно из наиболее важных последствий недавней американо-бельгийской интервенции в Стэнливиле. Батальон военных «экспертов и советников» Объединенной Арабской Республики только что отбыл из Каира к «неизвестному месту назначения» в Африке. Около 100 старших офицеров из Алжира, Мали, Гвинеи, Ганы и Судана находятся уже „в пути". Причем одновременно были отправлены огромные партии оружия, предоставленного рядом африканских стран и предназначенного для партизанской войны. Кроме того, четыре страны, граничащие с Конго, уже решили предоставить свою территорию для проведения любых военных мероприятий, планируемых революционным правительством Гбение. Этими странами являются Конго (Браззавиль), Уганда, Танзания и Судан».

В этом нет ничего условного.

«Таким образом, Африка, наконец, решила отреагировать на это и предпринять прямые действия. Эти передовые страны не хотели больше ждать „решений" ОАЕ — организации, от которой мы ожидаем урегулирования проблемы, «и не будут больше мириться с маневрами тех, кто, подобно Нигерии, «оправдывает и объясняет» американо-бельгийскую военную интервенцию, как это недавно сделал министр иностранных дел Нигерии Джаджа Вачуку или как это пытался сделать его представитель в Организации Объединенных Наций Адебо.

Секретная конференция.— По предложению Модибо Кейты и Бен Беллы ряд глав африканских государств, присутствовавших на Конференции неприсоединившихся стран, решили провести в Каире секретную встречу, о которой ни одна газета в мире не сообщала никаких подробностей и даже не указывала, что она имела место» — вопрос первоочередности. Цель этой „конференции внутри конференции" заключалась в том, чтобы определить „конкретные" меры, которые следует принять в течение ближайших месяцев для ликвидации заговора, угрожающего Конго.

В этом, если можно так выразиться, «военном совете», участвовали Насер, Бен Белла, Модибо Кейта, Секу Туре, Нкрума, Ньерере, Кениата и Массамба-Деба».

Я продолжаю:

«Выводы. Было сделано два главных «вывода». Здесь нет ничего условного. Во-первых, сохранение режима Чомбе в Конго является угрозой для всех африканских государств, и в частности для тех, революционные или прогрессивные режимы которых вызывают недовольство западных держав. После того, как режим Чомбе укрепится и покончит с «мятежниками», он сразу же станет контрреволюционной базой для подготовки заговоров против «нежелательных» стран или режимов. Благодаря значительной экономической и военной помощи, которую Чомбе сможет после этого получить, Леопольдвиль станет в некотором роде «раковой опухолью», которая может легко распространиться на всю Африку. Таков во всяком случае анализ, который был сделан Массамба-Дебой, Ньерерой, Бен Беллой и др».

В этом все еще нет ничего условного.

«В Каире: «Они» слишком могущественны.— Второй вывод заключался в том, чтобы разработать долгосрочные планы помощи правительству Гбение, которая должна быть прямой и более существенной, чем в предыдущие месяцы. Хотя некоторые африканские правительства уже предоставили Стэнливилю оружие, снаряжение и финансовую помощь, Стэнливиль высказал явное неудовлетворение и подчеркнул необходимость более широкой и эффективной помощи. Насер, который председательствовал на этой встрече, заявил, что Каир немедленно предоставит конголезским революционным силам «полностью снаряженную» группу военных советников и экспертов. Бен Белла также заявил, что помощь со стороны Алжира в том, что касается оружия для партизан и специалистов по военной подготовке, будет значительно увеличена». Значительно увеличена — значит, что оказание этой помощи уже началось.— «Модибо Кейта сказал, что из Мали в некоторые «дружественные» страны, граничащие с Конго, будет отправлено несколько военных специалистов, а при необходимости „в дело вступят также наши добровольцы".

Наши добровольцы; о наемниках здесь не упоминается.

«Далее, в Организации африканского единства с большим заявлением выступил Нкрума: «Очевидно»,— сказал он,— что при теперешнем положении дел в Африке ОАЕ не в состоянии единодушно или почти единодушно предпри-

нять какие-либо позитивные действия. Наши противники слишком могущественны, у них много способов ослабить усилия, направленные на то, чтобы вывести ОАЕ из тупика. Поэтому, если мы не можем добиться единодушия, то что нам мешает разработать согласованную политику между теми странами, которые полны решимости оградить наш континент от заговоров, которые вынашиваются за границей и в отношении которых проявляется «терпимость» со стороны некоторых людей на нашем континенте».

155. Ознакомившись с содержанием этой статьи, написанной человеком, которого нельзя обвинить в том, что он предубежден или плохо информирован, Совет Безопасности может считать себя хорошо осведомленным в этом вопросе.

156. У нас имеется также сообщение агентства Франс Пресс из Хартума от 2 декабря 1964 года, в котором со ссылками на официальное информационное агентство Судана говорится: «Хартумское правительство разрешило участникам конголезской оппозиции, которые нашли убежище в Судане, проходить военную подготовку на его территории».

157. Глава алжирского режима Бен Белла, который, по-видимому, не испытывает никакого беспокойства в связи с неразберихой в экономике страны и считает, что он нашел мальтузианское решение своих проблем путем экспорта своих наемников в «черную» Африку, с напускным негодованием воскликнул: «Мы будем продолжать поставлять оружие и добровольцев». Я цитирую сообщение АФП/156 из Алжира от 25 ноября.

158. Все эти заявления исходят от людей, которые якобы проявляют заботу о мире в Африке. Я должен сказать, что этот способ обеспечения мира является довольно странным. Они присваивают себе право одностороннего вмешательства во внутренние дела суверенного государства в нарушение Устава Организации Объединенных Наций и Хартии ОАЕ, а затем они обращаются в Совет Безопасности, притворяясь невинными овечками. Я надеюсь, что Совет не будет обманут маневрами тех, чьи армии были направлены в Йемен, Сирию, Саудовскую Аравию, Кувейт, Алжир и даже приняли участие в алжиро-марокканском конфликте и кто постоянно стремится силой навязать свое мнение. Это — довольно любопытная форма африканской «доктрины Монро», прикрываясь которой одна страна не разрешает другим вмешиваться в ее дела, а сама всегда готова вмешаться в дела других континентов.

159. Мне могут, конечно, ответить, что это — внутреннее дело арабов, в которое я, нараб, не имею права вмешиваться. Все это так, но почему они вмешиваются во внутренние дела неарабской Африки? Стоит ли напоминать вам, что на последней сессии Генеральной Ассамблеи, когда африканская группа решила внести в Первом комитете предложение о распределении мест в некоторых органах Организации Объединенных Наций, оставив определенное количество мест для Африки, одна из стран, претендующих на то, чтобы называться африканской, удивила эту группу или по крайней мере ничего не подозревающих ее членов, потребовав такого распределения, при котором определенное число мест отводилось бы арабской группе. Это — современная Африка, Африка, в которой мы живем и которую некоторые люди, к сожалению, не желают видеть в ее истинном свете. Моя делегация не может отмахиваться от реальности.

160. Некоторые люди сочли возможным перевести дискуссию на расовые рельсы, и несомненно по этой причине они и упомянули о том факте, что наш премьер-министр не участвовал в Каирской конференции в верхах[6] и в Конференции неприсоединившихся стран[7]. В штаб-квартире ОАЕ, расположенной на территории неарабских стран, эта проблема не возникала.

161. Стоит ли напоминать вам о том, какому грубому обращению подвергся в Каире глава одного из правительств. Согласно международному праву, это поистине составляет *casus belli*. Здесь был, конечно, использован тот предлог, что дипломатические агенты Каира были подвергнуты пыткам и т. д. Как только мне стало известно об этом, я лично распорядился организовать их отъезд. Все протекало в полном спокойствии и при самом строгом соблюдении дипломатической неприкосновенности. Представитель Организации Объединенных Наций в Конго может подтвердить это. Я сам лично по согласованию с послами Объединенной Арабской Республики и Алжира пригласил их присутствовать при этом, с тем чтобы не допустить распространения ложных сообщений по этому вопросу. В тот самый день, когда указанные посольства пользовались как водой, так и электричеством, одна из иностранных радиостанций объявила, что алжирские и египетские дипломаты в Леопольдвиле были лишены того и другого. Нет, мы не сделали этого в отношении наших братьев-африканцев, даже если они и были арабами.

162. Но вот когда действительно проявляется расизм, так это тогда, когда белых — европейцев и американцев — осуждают за то, что они поставляют оружие черным, ибо черные солдаты будут использовать это оружие против своих черных братьев. Разрешите мне задать вопрос, не будет ли оружие, которое белые из северной Африки собираются предоставить черным мятежникам в Стэнливиле, использовано против их черных братьев?

163. Это — голый расизм. Я сожалею, что мне приходится говорить так прямо. Однако логика требует, чтобы я выступил с разоблачением и

---

[6] Первая регулярная сессия ассамблеи глав государств и правительств Организации африканского единства (17—21 июля 1964 года).

[7] Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран, состоявшаяся в Каире (октябрь 1964 года).

открыто заявил обо всем этом. Факты прошлого, имевшие место в Конго 70 лет назад, пока не позволяют нам забыть о том, какую широкую торговлю моими черными соотечественниками вели североафриканские белые с белыми Европы и Америки. Мы сталкиваемся с результатами этой торговли ежедневно; они — в сегодняшнем положении американских негров.

164. Мы хотим стать выше этих вопросов. Мы хотим быть африканцами, гражданами мира. Однако вначале мы должны научиться уважать самих себя, уважать человека как такового, каким бы ни был цвет его кожи. Я обращаюсь с этим призывом ко всем белым, где бы они ни находились — в Америке, Азии, Европе или Африке.

165. Я подхожу к концу.

166. Американо-бельгийское вмешательство имело место с нашего согласия, в гуманных целях и в течение ограниченного периода. Оно завершилось 1 декабря. В этом нет ничего предосудительного.

167. С другой стороны, мятеж еще существует. Мы справляемся с ним внутренними силами. Однако он поддерживается некоторыми странами, которые заинтересованы в подобном беспорядке. Золото Кило-Мото изымается из рук его законного владельца — конголезского государства. Некоторые иностранные государства извлекают доходы из незаконной торговли бриллиантами. Разрешите мне рассказать вам об одном после, который сказал, что его страна является самым крупным производителем бриллиантов. Конечно, эта страна является самым крупным экспортером бриллиантов, но это те бриллианты, которыми незаконно торгуют в Демократической Республике Конго. Кофе незаконно экспортируется в некоторые соседние страны, поддерживающие мятежников людьми, оружием и средствами подготовки, нарушая тем самым положения Устава Организации Объединенных Наций и Хартии Организации африканского единства, касающиеся вмешательства во внутренние дела государств-членов. Вы, защитники мира, понимающие, что такое вмешательство ведет к нарушению мира, должны осудить его, потребовать уважения к суверенитету Конго и заявить о том, что Конго способно своими силами ликвидировать этот внутренний конфликт в соответствии с принципами Устава.

168. Ссылка на Организацию африканского единства является парадоксом. Одно из двух: либо существует угроза миру, и в этом случае должен быть созван Совет Безопасности для того, чтобы сделать в соответствии с его функциями необходимые рекомендации, либо такой угрозы не существует, и тогда нет необходимости созывать Совет даже для того, чтобы поддержать престиж региональной организации, что, по моему мнению, не входит в функции Совета. Мы сами должны позаботиться о престиже нашей Организации.

169. Кроме того, нет никакой необходимости доказывать, что Организация африканского единства не считает, что американо-бельгийское вмешательство является постоянной, серьезной и неотвратимой угрозой Африке. Чрезвычайное совещание в верхах, которое было созвано, не должно было проводиться из-за отсутствия кворума.

170. Далее, если Совет будет собираться для того, чтобы поддержать престиж какой-либо организации или осудить старые угрозы некоторым странам, ему придется заседать непрерывно.

171. Да, реальная, неотвратимая и серьезная угроза нашему суверенитету действительно существует, но она возникла в связи с тем, что некоторые страны решили оказать — или уже оказывают — поддержку мятежникам. Я призываю вас обратить внимание на эту угрозу и в этой связи сделать необходимые рекомендации. Я прошу извинить меня за то, что я говорил так долго. Я буду благодарен вам, г-н Председатель, если вы вновь предоставите мне слово, когда в этом возникнет необходимость в ходе дискуссии.

172. Г-н УШЕР (Берег Слоновой Кости) *(говорит по-французски)*: Несмотря на поздний час, делегация Берега Слоновой Кости, после того как она выслушала предыдущие выступления, считает своим долгом сделать следующее заявление.

173. Очень жаль, что рассматриваемая нами проблема несправедливо приобрела расовый оттенок. Видимо, этого следовало ожидать. Либо потому, что некоторые пытаются оправдать операцию, которая является предметом нашей дискуссии, либо потому, что прессе нужны сенсационные новости, данный вопрос в течение некоторого времени представлялся как проблема каннибализма в Африке, где белые ожидают момента, когда их съедят. Таким образом, даже еще до того, как был созван Совет Безопасности, была создана атмосфера драмы. Я уверен, что Совет сможет отбросить в сторону эти страсти и будет рассматривать данную проблему в ее истинном свете.

174. Рассматриваемый нами вопрос является вопросом нормальной дипломатической концепции, согласно которой любое государство обязано защищать своих граждан. Это — простая концепция, получившая всеобщее признание. Совет изучит вопрос о том, какие методы и процедуры следует применять в подобных обстоятельствах для того, чтобы обеспечить проведение в жизнь этой юридической концепции, которая получила признание в международном праве. Для этой цели ему придется игнорировать субъективные соображения.

175. Во-вторых, делегация Берега Слоновой Кости считает своим долгом заявить, что в Африке, среди африканцев, не может быть проблемы расы. Когда мы говорим об Африке или об африканцах, мы говорим о континенте. Говоря об африканском континенте, мы не можем позволить, чтобы в нашу дискуссию проникла какая-либо расовая концепция.

176. Г-н СИДИ-БАБА (Марокко) *(говорит по-французски)*: Делегация Марокко глубоко благодарна представителю Берега Слоновой Кости за то, что он изложил суть того, о чем мы намеревались сказать, когда просили слова.

177. Делегация Марокко была действительно несколько расстроена в связи с тем, что сегодня утром наша дискуссия приняла такой оборот. Мы считаем, что данная проблема ограничивается некоторыми бесспорными фактами, которые должны быть предметом объективного и беспристрастного изучения со стороны Совета Безопасности.

178. Я был еще более расстроен, когда услышал, как представитель Демократической Республики Конго позволил себе выступить с обобщениями и неоднократно употреблял выражение «североафриканские белые». Я считаю, что это обобщение вытекает из взгляда, основанного на субъективных соображениях, которые Африка, как Северная, так и Южная — за вполне понятным исключением Южной Африки и Южной Родезии,— категорически отвергает. Африка, как только что сказал представитель Берега Слоновой Кости, является континентом, населенным людьми, которые живут вместе и которые связаны узами истории, берущей свое начало в глубине веков, людьми, перед которыми стоят общие проблемы слаборазвитости, освобождения и восстановления и которые могут решить эти проблемы только одним путем, а именно в условиях братства, единства и взаимопонимания.

179. Представитель Демократической Республики Конго опять сделал неправильное обобщение и даже осмелился допустить историческую ложь, когда он сказал, что работорговля с Америкой велась через Северную Африку. Я оставляю историкам задачу восстановления истины. Мы знаем, какие пункты в Африке больше всего интересовали работорговцев, которые принимали участие в ненавистной торговле рабами, происходившей между африканским и американским континентами.

180. Я должен сказать также, что Марокко как африканская страна, расположенная на севере Африки, никогда не соглашалась и никогда не согласится с идеей о том, что субъективная концепция, основанная на расовой теории, оказывает влияние на политику нашей страны как в международном масштабе, так и в масштабе африканского континента.

181. Однако, к сожалению, противники африканского освобождения и развития, как известно, всегда стремились внести элементы раскола, выдвигая идеи, которые имели не только расовую, но и племенную и региональную подоплеку. В этом заключается наиболее отрицательная и самая опасная тактика, применяемая колониализмом против Африки.

182. Я также считаю своим долгом сказать, что Африка, как это видно из выступлений петиционеров в Совете по Опеке, является единым целым. Нет двух Африк. Мы самым решительным образом выступаем против любых попыток создать несколько Африк.

183. Мы считаем, что благодаря определенной комбинации исторических условий некоторым странам и районам Африки довелось первыми сыграть важную роль в борьбе за национальное освобождение против колониального господства в Африке. Я надеюсь, что никто не будет критиковать их за то, что они сыграли эту роль. Если кто-либо и сделает это, то он наверняка будет одним из тех, кто, к счастью, был изгнан из Африки, одним из тех, кто в течение длительного времени эксплуатировал народы Африки самым отвратительным и непростительным образом, при помощи работорговли, эксплуатации людей или экономической и политической эксплуатации. Я думаю, что Африке будет оказана величайшая услуга, если никто из африканцев — кем бы он ни был, даже если он заслуживает названия африканца только за цвет его кожи,— не будет делать ни в Африке, ни на международной арене заявлений, подобных тем, которые, к сожалению, несколько минут назад сделал представитель Демократической Республики Конго.

184. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-испански)*: Желающих выступить сегодня днем или в понедельник утром нет. Поэтому я предлагаю закрыть заседание Совета Безопасности и созвать следующее заседание в понедельник, 14 декабря 1964 года, в 15 час.

Заседание закрывается в 13 час. 55 мин.

КАК ПОЛУЧИТЬ ИЗДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Издания Организации Объединенных Наций можно купить в книжных магазинах и агентствах во всех районах мира. Наводите справки об изданиях в вашем книжном магазине или пишите по адресу: Организация Объединенных Наций, Секция по продаже изданий, Нью-Йорк или Женева.

HOW TO OBTAIN UNITED NATIONS PUBLICATIONS

United Nations publications may be obtained from bookstores and distributors throughout the world. Consult your bookstore or write to: United Nations, Sales Section, New York or Geneva.

Security Council Official Records,
19th Year, 1173rd Meeting
(Russian)

October 1968—200